

*Радость жизни
можно почувствовать,
только целуя свою любимую.*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Нежность
августовской
ночи*

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Татьяна Михайловна Тренина

Нежность августовской ночи

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624345
Нежность августовской ночи: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-40667-8

Аннотация

Евгения и Глеб встретились на исходе лета на борту прогулочного катера. Она – само воплощение лета: солнечная, легкая, стремительная. Он – неприметный мужчина лет сорока, известный в Москве переводчик. Оба такие разные, но в этот пьянящий августовский день, когда они посмотрели друг другу в глаза, между ними вдруг пробежала искра. Разгорится ли из нее серьезное чувство или все это так и останется наваждением летней ночи, ведь у Глеба уже есть жена, а Евгения уверена, что в жизни ее может быть лишь одна страсть – искусство?..

Содержание

Нежность августовской ночи	4
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Татьяна Тренина

Нежность августовской ночи

Серебристый лимузин притормозил у пешеходного перехода, пропуская стайку офисных работников, одетых строго по дресс-коду (было как раз время бизнес-ланча), и снова плавно двинулся вперед.

– Куда теперь? – не поворачивая головы, спросил шофер. Грачев являлся штатным водителем издательства, а вот авто представительского класса было арендовано специально для приема высокого гостя.

– Линкс! Налево, налево! – бодро прокричал Фридрих Бергер.

– О, это дивные места, Фридрих, называются – Замо́скворечье, – благостно согласился с Бергером Иван Павлович, руководитель отдела иностранной литературы, мужчина неопределенного возраста, худощавый, лысый и с деликатными манерами. – А там, дальше, располагается знаменитый Солнечный остров, который правительство города собирается превратить в культурный и офисный...

– За-москвa-речие... – не дослушав Ивана Павловича, напевно повторил Фридрих, немецкий писатель, живой классик, скандалист и мастер эпатажа. По книгам Фридриха сняли недавно фильм – «9 евро», сразу ставший культовым. –

Речие... Речь, да, Глеб? Говорить?

– Нет, река, – возразил Глеб, переводчик. – За Москвой-рекой то есть.

– Я, я, натюрлих... Великая русская река! – страшно оживился Фридрих Бергер. – Голубшик, гони туда!

– Да уж стараюсь, – отозвался вяло Грачев, за свою жизнь перевидавший немало звезд.

Надо отметить, что Фридрих очень неплохо болтал по-русски, и переводчик ему практически не требовался. Но Глеб Мазуров был не простым толмачом, он являлся переводчиком *текстов* Фридриха Бергера с немецкого на русский, то есть фигурой вполне значимой.

Бергер уважал Глеба необычайно. До того Бергера пытались несколько раз переводить на русский, но дело не шло: отечественная публика почему-то не хотела покупать книги этого автора. Когда же к переводам подключили Глеба, то рейтинги продаж взлетели.

Достоинства Глеба Мазурова не исчерпывались тем, что он являлся профессионалом высокого класса, представителем старой школы переводчиков (хотя по возрасту «старым» его никак нельзя было назвать – сорок лет, разве ж это возраст!), но Глеб еще ко всему прочему очень хорошо чувствовал стиль Бергера, понимал его мысли и настроение и сам обладал, что называется, «легким пером».

Тут следует оговориться. Да, Глеб хорошо понимал Бергера, но это вовсе не значит, что он принимал бергеровскую

философию. Пожалуй, Мазуров являлся полной противоположностью Бергера. Глеб, будучи ровесником Фридриха, отличался сдержанностью, невозмутимостью, молчаливостью, не терзался страстями и безудержными желаниями, не стремился к всеобщему вниманию...

Даже внешне они находились на разных полюсах: Бергер – двухметровый нескладный верзила с шевелюрой песочно-рыжего цвета, в джинсах, растоптанных мокасынах и растянутой на локтях шерстяной кофте, словно отнятой у какой-нибудь старушки из Подмосковья. На вечно задранном кверху носу Фридриха красовались дико креативные и дорогие очки от известного европейского Дома моды, но и они напоминали старушечьи и копеечные. К тому же очки сидели на носу у Фридриха всегда криво. Даже на фотографиях Фридрих оказывался запечатлен в этих вечно перекошенных очках.

Фридрих Бергер боролся с буржуазностью, был в центре скандальной хроники, и его обычно называли «анфан террибль»¹ от литературы.

Глеб же Мазуров ни внешностью, ни ростом, ни поведением никогда не выделялся из толпы. Обычный мужчина сорока лет, хорошо выбритый и подстриженный...

Лимузин уже собирался свернуть на набережную, но в этот момент дорогу жезлом перегородил инспектор ДПС.

– Чего там? – высунул голову в окно Грачев.

¹ Анфан террибль – *Enfant terrible* (фр.) – ужасный ребенок.

– Проезда нет. Весь центр перекрыт, – ответил инспектор. – Выбирайте объездной маршрут...

– Как это – проезда нет? – возмутился Грачев. – Это в связи с чем?

– Минутку... Я сам разберусь! – Иван Павлович, сидевший с левой стороны, выскочил из лимузина, подбежал к инспектору и принялся быстро-быстро что-то говорить, то и дело показывая на лимузин и взмахивая тонкими длинными руками, словно собираясь взлететь. Инспектор покачал головой.

Иван Павлович вернулся в машину:

– Вы представляете, проехать на набережную нельзя...

– Что там? – спросил Глеб.

– Президента Франции встречают.

Фридрих, до этого момента внимательно прислушивавшийся к переговорам, разом встрепенулся:

– Ка-ак такое есть?! Из-за этого президента я не иметь право ехать куда хочу? О, абсурд!!! Глеб, Глеб, ты это слышал?.. Глеб, я хочу в За-масква-речие!

– Итить, я и забыл про то, что центр-то перекрыт, – спохватился Грачев, чеша затылок. – Ну что, куда теперь, господин Бергер?

– Куда?... Туда! – завопил немецкий писатель, указывая направление. – Я хочу туда!

– Так это... Нет проезда. Президент Франции, и все такое... – напомнил Грачев.

– Фридрих, мы еще не были в Коломенском, – примиряюще заговорил Глеб. – Вотчина русских царей...

– Я не хочу Коломенское... доннер веттер!² Туда, туда!

И Фридрих принялся на немецком очень некорректно отзываться о высоком госте из Франции. Глеб, понимавший каждое слово Фридриха, даже подумал, что у Бергера с президентом Франции какие-то личные счеты, Потом понял – Фридрих Бергер просто считал себя пупом земли и центром вселенной, и даже президенты не были ему ровней.

– Я не знаю, что делать... – дрожащим голосом произнес Иван Павлович. – Глеб, что делать?

– Пошли пешком, – сказал Глеб. – Вот что делать, если охота пуще неволи.

Глеб знал характер неистового Фридриха, презиравшего компромиссы, – тут и до международного скандала недалеко...

– Как это – пешком? – с недоумением спросил Грачев.

– Пешком? – вытаращил глаза Иван Павлович. – Я не понимаю... У нас же была обзорная экскурсия на автомобиле, а этот маршрут мы не разрабатывали... не дай бог...

– Можно ногами тут ходить? – хищно раздул ноздри Фридрих.

– Да, Фридрих, можно, – сказал Глеб. – Это машинам проехать нельзя... А пешком ходить нам даже президент Франции не запретит!

² Немецкое проклятие.

Фридрих Бергер энергично пожал Глебу руку:

– Идем!

– Как это? – застонал Иван Павлович. – Это ж какой риск... Я не за себя боюсь, я за господина Бергера переживаю...

Тем временем Фридрих Бергер выбрался из лимузина, за ним – Глеб.

– Грачев, вы с нами! Вместо охранника... – замахал руками Иван Павлович.

– Палыч, как хошь, а машину я не могу оставить, – рассудительно отозвался шофер. – Я лицо материально ответственное. Я вас тут буду ждать!

– Это что же, тебе машина дороже человеческой жизни? – побледнел Иван Павлович.

– Иван Павлович, он уходит, – обратился Глеб к руководителю отдела иностранной литературы.

– Ой, не могу... – застонал Иван Павлович, глядя в спину стремительно удаляющегося от них Бергера. – И что теперь?

– Следуем за Фридрихом. Да вы не переживайте, Иван Павлович, – сказал Глеб. – Мы в центре Москвы, тут милиции больше, чем прохожих... День вон, светло! Походим да вернемся! Вот скоро ему надоест, и вернемся!

Причитая, Иван Павлович засеменял вслед за звездой европейской литературы.

Однажды Иван Павлович Ряпушкин с гордостью признался Глебу, что он – москвич в третьем поколении. Но при всем

при том Иван Павлович, как и большинство жителей Москвы, боялся своего города. И даже – не догадываясь об этом – ненавидел его... Ненавидел пробки, загазованный воздух, столичную дороговизну, ненавидел пафосный центр и криминогенную окраину...

Ряпушкин, формально проживая в Москве, в ней не жил. Он жил в своей квартире. На своей даче. В кабинете издательства. В машине, когда ехал от дома до работы или от дачи до дома. Иногда – в ресторане или тренажерном зале...

Он ходил – пешком, но только по Праге или, например, по Парижу... по Риму... в составе экскурсионных групп. Но по своему родному городу – никогда.

Теперь, выброшенный волею судьбы из авто, Иван Павлович напоминал улитку, лишенную панциря. Он выглядел настолько беззащитным и неуверенным, что Глеб счел нужным его подбодрить:

– Иван Павлович, а погода-то какая, а? До того две недели дожди были... Грех не прогуляться!

Иван Павлович не ответил, скользнул по Глебу взглядом, полным детской обиды, вздохнул. Потом, пожевав губами, из вежливости спросил:

– А как супруга ваша поживает, Глеб? Хотел еще утром спросить...

– Супруга? Супруга на даче.

– Да? Гм... моя тоже. Вы Ниночке привет передавайте...

– Спасибо. У нас юбилей, кстати, скоро – двадцать лет, –

улыбаясь, произнес Глеб. Не мог не похвастаться!

– Двадцать лет? Двадцать лет брака? О-о... – расчувствовался Иван Павлович и даже на какое-то время забыл, что находится в непривычных и некомфортных для него условиях – идет пешком по центру города. – Я вас с Ниночкой поздравляю, от всей души поздравляю...

В это время Фридрих Бергер, шедший далеко впереди, вдруг остановился у ажурного моста.

– Что там? Куда это он?

– Кажется, там причал, – ответил Глеб.

– О господи! – Иван Павлович резво побежал.

Через пару минут они с Глебом тоже стояли на причале под мостом.

– Граждане, приглашаем вас совершить незабываемое путешествие по обводным каналам Москвы-реки... – вещала в микрофон женщина в тренировочном костюме и переднике поверх него.

– Глеб! Глеб, надо плыть! – радостно закричал Бергер. – Мадам, вифель костет... э-э, сколько стоит билет?

– Билет стоит всего пятьсот рублей, – ответила в микрофон женщина.

– Фридрих, вы садитесь, я сейчас куплю билеты! – махнул рукой Глеб.

– Глеб, не сходите с ума... – Иван Павлович повис на локте у Глеба.

– Иван Павлович, вы тоже садитесь, – отцепил его Глеб. –

Уж с парохода наш Бергер точно не сбежит. Сделаем круг и вернемся.

– Да. Точно. Лучше уж здесь! – Руководитель отдела иностранной литературы вдруг помягчел, расслабился. Ведь небольшой катер был замкнутым пространством (сродни автомобилю), спасающим от городских ужасов.

Глеб купил билеты и отправился вслед за своими спутниками.

На воде возле причала покачивался с боку на бок небольшой катер с деревянными лавками – человек на двадцать-тридцать. Впрочем, и десяти пассажиров не набралось: в носовой части сидели пять юных девиц, на боковой лавке – пожилая чета японцев с фотоаппаратами... ну, и Фридрих, Иван Павлович, Глеб.

И капитан впереди, за штурвалом. Фридрих Бергер немедленно рванул к нему, заговорил. Капитан, видимо привыкший ко всему и всем, охотно принялся болтать с Фридрихом. Пять юных девиц (в чем-то розовом, гламурном, с голыми пупками, пирсингом и обвешанные бижутерией, словно веригами, немедленно подтянулись ближе), Фридрих заговорил и с ними...

– Все, расслабьтесь, Иван Павлович, это надолго... Сидите и отдыхайте.

– Да, да. Вы правы, Глеб... – утомленно вздохнул тот.

Молоденький матрос в тельняшке принялся распутывать трос на причале.

– Стойте! – По ступеням вниз, от набережной, бежала молодая женщина, с объемной сумкой через плечо. – Эй, меня подождите...

Матрос протянул ей руку, и женщина легко перескочила с причала на катер.

– Спасибо... Еле успела!

– Да как же мы без вас! – хихикнул матрос.

Женщина послала ему воздушный поцелуй и села возле другого борта, как раз напротив Глеба и Ивана Павловича.

Катер затарахтел, сзади, над водой, за клубились облака сизого дыма, набережная стала удаляться.

Иван Павлович поднял лицо вверх, улыбнулся:

– А хорошо-то как, правда... Солнышко, тепло. Не скажешь, что через неделю – осень.

Глеб хотел ему ответить, но не успел, отвлекся. Он кое-что вспомнил.

...Порой случаются странные вещи – вдруг, без всякой причины, всплывает то, что годами и даже десятилетиями лежало на самом дне памяти. Раз – и вспыхивает перед мысленным взором картинка из далекого прошлого – отчетливая, не потерявшая яркости. Хотя, наверное, без причины ничего не происходит.

Какие же причины заставили сегодня Глеба вспомнить «дела давно минувших лет»? Во-первых, ветер – теплый, сильный. Во-вторых, августовское солнце. В-третьих, кроны деревьев – еще зеленые, густые... Ветер уже срывал с них

первые пожелтевшие листья, уносил их куда-то. Первый урожай осени. Еще небо – прозрачное, ярко-синее, в легких золотых облаках. Девушка, бегущая по ступеням вниз... Все это сложилось в единое целое.

Глеб внезапно вспомнил себя, юного – как легко было когда-то на сердце, а в груди царила странная пустота, которая вот-вот должна была чем-то заполниться. Чем-то прекрасным, цвета золота... Или первой осенней листвы? Да, именно в такие оттенки была раскрашена картинка из далекого прошлого – нежно-желтые, розовато-рыжие, бежево-коричневые...

Это был цвет любви. Первой любви.

Двадцать пять лет назад, в конце августа, находясь в летнем лагере, пятнадцатилетний Глеб Мазуров встретил девочку... Лену? Да, ее звали Леной. И ей было тоже то ли пятнадцать, то ли четырнадцать.

Она бежала по ступеням в старый парк, ветер трепал зеленые кроны деревьев, вырывая из них мертвые листья, над головой девочки сияло прозрачное, ярко-синее небо, и солнце освещало ее всю – темно-русые волосы, загорелую кожу, платье желтовато-бежевого оттенка.

Ее ноги, тонкие щиколотки, легкие сандалии, складки платья, пряди волос, тонкие руки – все это мелькало в воздухе, смешиваясь в одно золотисто-бежевое, розово-желтое облако.

– Мазуров, привет! – крикнула девочка. И пятнадцатилет-

ний Мазуров вдруг увидел, что губы у нее – как лепестки, и тоже какого-то дивного оттенка, розово-золотые. Эти оттенки кричали о жизни и почему-то – о смерти (хотя осенние листья именно о смерти и должны напоминать). И о любви, которая входит в сердце и остается там навсегда, до последнего вздоха, до того момента, когда погаснут все цвета и воспоминания. И сердце вновь становится холодным и пустым.

– Ленка, привет! – крикнул ей в ответ юный Глеб Мазуров. Она еще что-то сказала, он ответил, и они уже шли рядом по старому парку. Погода, помнится, была какой-то такой... Когда не холодно и не жарко. Тело не чувствует ничего, и это дает странный эффект – ты словно купаешься в молоке. Но это не молоко, это – августовский туман течет среди деревьев и заставляет мальчика и девочку быть ближе.

Побуждает их поцеловаться.

Вкус ее губ тоже розово-золотой. Прохладный и теплый одновременно и влажный, как туман.

Счастье. Господи, господи, вот это было счастье...

А потом лето закончилось, все разъехались, и Глеб Мазуров больше никогда не видел Лену. И не вспоминал о своем первом поцелуе – потому что были и другие поцелуи. Потому что встреча с Ниной, с новой его любовью, стерла все воспоминания.

...А сегодня все повторилось – небо, девушка, солнце. Глеб Мазуров – нынешний, сорокалетний Глеб – вздрогнул и на всякий случай потер глаза. Женщина напротив удивленно

улыбнулась ему и отвернулась, опершись на перила катера.

Только тогда Глеб осознал, что таращился все это время на незнакомку.

Это оказалась не Ленка. Ленке сейчас должно быть лет сорок, а этой – гораздо, гораздо меньше. Да и не похожа она на Ленку, если подумать. Ленка уже тогда была высокой, и в будущем грозилась перерасти в каланчу, а эта, напротив, роста чуть ниже среднего. И глаза не такие, и овал лица, и все, все – другое...

Совпали просто цвета, запахи, звуки, температурные перепады, совпали образы – вот и вспомнил Глеб свою первую любовь.

Глеб тоже отвернулся, глядя, как за бортом переливаются блики на зеленовато-желтой, мутной, непрозрачной воде. Дальше возвышалась гранитная набережная, а там – поднимались дома. То новоделы, блистающие мрамором и стеклом, то массивные постройки сталинских времен.

Надо было подойти к Фридриху... Впрочем, зачем? Фридрих занят девицами, он в ударе – орет, декламируя что-то, размахивает руками, девицы визжат, одна вдруг достает из сумочки книгу... О, знакомая обложка. Фридрих Бергер «Садаль». Перевод Глеба Мазурова.

Визг еще больше усилился. Фридрих задрал нос, очки перекосились на сторону, девицы переводят взгляд с лица Фридриха на портрет, размещенный на обложке... О, как любит живой классик славу!

Фридриху дали ручку, он подписал книгу. Капитан, ставший свидетелем всего этого, тоже попал на крючок чужой славы.

Капитан дает Фридриху Бергеру постоять за штурвалом.

Туристы из Японии тоже вдруг узнали Фридриха. Ахи и охи. Нет, вовсе не обязательно идти туда, Фридрих занят делом – купается в лучах своей славы, а Глеб пока может с чистой совестью отдохнуть.

– Какой же он зазнайка... – отечески-умиленно произнес Иван Павлович. – Хотя, конечно, он гений... Имеет право.

– Ага, – рассеянно ответил Глеб. Набережная была пуста, лишь кое-где стояли припаркованные автомобили. Прохожих почти не видно. Центр города, а какой тихий, безмятежный вид открывался отсюда...

Глеб не хотел поворачиваться. Там, у другого борта, сидела она, незнакомка. Обман. Мираж. Августовское наваждение... А Глеб – нынешний, сорокалетний Глеб Мазуров – уже далек от всех этих миражей. Глупости все это. Прошло – вместе с пубертатом. То, чем он сейчас владеет, в тысячу раз лучше. Сейчас у него есть Нина. И ее любовь. Даже в мыслях не стоит предавать ее – женщину, которая рядом с ним вот уже двадцать лет. Ровно половину жизни.

– Вот я бы так не смог, – бормотал рядом Иван Павлович. – Мне кажется, неприлично привлекать к себе внимание. Вот вы, Глеб... вы ведь тоже человек скромный, сдержанный. Тут дело не в гениальности, а в характере. И ку-

да его все несет, этого Бергера? Третий день с ним по всей Москве мотаемся, и каждые пять минут он что-нибудь придумывает, куда-то бежит, чего-то хочет... Он, конечно, вам как родной, ваш автор, которого вы переводите, но простите меня за откровенность – я уже больше не могу...

Глеб кивнул, буркнул что-то вроде – ну да, ну да.

«Сейчас обернусь. И посмотрю на нее. Если она тоже смотрит на меня, я с ней заговорю».

Глеб обернулся.

Незнакомка сидела к Глебу спиной, держа в руках внушительных размеров фотоаппарат, и сосредоточенно снимала набережную. Ветер трепал пряди ее волос. У нее была сложная прическа в виде небрежно-пышного пучка.

Солнце светило ей в затылок, волосы отливали медовым, маслянистым, густым сиянием. Наверное, эти волосы на ощупь – шелковистые, гладкие, прохладные. Тяжелые. Но ладони по ним легко скользить – как по шелку...

Глеб зачем-то посмотрел на свои ладони.

Незнакомка быстро сменила один объектив на другой. Потом на третий. А затем, когда катер плыл в тенистой части реки, прикрепила к фотоаппарату вспышку. Сняла. Снова сменила объектив, то и дело заглядывая в видоискатель.

«Может, она профессиональный фотограф? Хотя кто разберет... Вон, у туристов рядом – тоже очень мощная «зеркалка»...»

Волосы змеистыми прядями летали вокруг лица женщи-

ны, она то и дело убирала их назад. Потом достала из сумки (теперь было ясно, что это специальный кофр для фотоаппаратуры) белую, невесомую даже на вид, нежнейшую косынку. Повязала ее на голову – концами сзади, спрятав непослушные пряди, и снова принялась фотографировать. Теперь она сидела к Глебу вполоборота.

У незнакомки были высокие, гладко очерченные скулы. Очень выразительные... Некоторые женщины специально делают пластику, чтобы у них были такие скулы, а-ля Марлен Дитрих. И верхняя губа – серединка чуть поднята вверх, лепестком цветка... (Говорят, очень модный абрис, Нина все уши прожужжала... Она хотела сделать пластику, потом Глеб отговорил жену.)

Может, эта женщина напротив – не чудо природы, а просто результат мастерства пластического хирурга?

– Глеб, а что вы собираетесь подарить Ниночке на юбилей? Если это не секрет, конечно. У моей Лялечки скоро день рождения... Я всю голову сломал – может, сюрприз какой устроить?

– Нина не любит сюрпризов. – Глеб отвлекся от созерцания незнакомки.

– Не любит?

– Абсолютно. В ней нет этой женской склонности к романтизму, слава богу, – честно признался Глеб. – Она меня об этом предупредила с самого начала, когда мы с ней только-только поженились... Ни перелезаний через балкон, ни

миллиона алых роз, разложенных под окном, ни билетов на морской круиз, вытащенных из рукава... Никаких фокусов, никаких неожиданных покупок и поступков – без предварительного ее одобрения!

– Может, за эти годы Нина переменила свое мнение? – осторожно спросил Иван Павлович.

– Нет! – усмехнулся Глеб. – Но подарок на юбилей, разумеется, будет. Золото-бриллианты, она намекала.

– Да? И она полностью доверяет вашему вкусу?

– Прямо! Пойдем в магазин, она ткнет в витрину пальчиком, укажет на то, что ей надо... И слава богу, что так, а не иначе, – истово повторил Глеб. – Я уже дарил ей вещи на свой вкус... Не носит.

– Какая она у вас... нормальная. А я вот голову ломаю! – в отчаянии произнес Иван Павлович. – Моя Лялечка обожает романтические сюрпризы, а я, знаете, не мастер придумывать...

Катер свернул в один из обводных каналов, окружающих Солнечный остров, – половина пути была пройдена.

Незнакомка, сидевшая напротив, деловито убрала фотоаппарат обратно в кофр. Поднялась, повесила кофр через плечо и, лавируя среди деревянных скамеек, намертво привинченных к полу, решительно направилась в носовую часть катера.

«Куда это она? – подумал Глеб, провожая незнакомку взглядом. – Тоже с Фридрихом жаждет пообщаться?»

Пока она шла, Глеб еще раз успел оценить ее фигуру – юную и одновременно женственную, с очень тонкой талией. Узкие запястья... Как только она такими тонкими ручками держит массивный фотоаппарат?

Незнакомка подошла к капитану и принялась что-то энергично говорить. Из-за шума мотора слов ее не было слышно. Капитан покачал головой. Незнакомка не отставала.

Потом сунула в карман капитанской рубашки что-то... Деньги? Но зачем?.. Капитан разом потерял свою уверенность, явно задумался. Незнакомка продолжала говорить, одновременно поводя одной рукой вокруг себя – указала на один берег, потом на другой.

– Какая интересная особа... Эта девушка в косынке, – заерзал Иван Павлович. – Чего она хочет от нашего капитана, вот любопытно?

Ответ стал известен через пару минут: катер, пыхтя и фыркая дымом, стал боком, осторожно приближаться к гранитным ступеням, спускающимся прямо в воду. Женщина намеревалась сойти на берег именно здесь.

Незнакомка стояла у борта, терпеливо дожидаясь, пока матросик пришвартует катер. Это были последние мгновения, когда у Глеба был еще шанс познакомиться с девушкой.

Он встал, подошел к ней:

– Куда это вы так торопитесь?

«Дурацкий вопрос!» – мысленно обругал себя Глеб, но ничего умнее этих слов ему сейчас в голову не пришло.

– На Солнечный остров, – даже не повернув головы, с равнодушной улыбкой ответила незнакомка. Голос у нее был спокойный, полнозвучный. Глеб скользнул взглядом по ее профилю, еще раз отметив высокую линию скул. – Центр же перекрыт... Так проще сюда добраться.

– Дороговато – пятьсот рублей за поездку...

– Ну, не каждый же день... – усмехнулась она.

– Ой, супер-супер-супер! – завизжала одна из девиц, показывая пальцем направление. – Там галерея, на бывшем мыловаренном заводе! Пошли туда!

– Какая галерея? – с интересом спросил Фридрих Бергер.

– Художественная! Фридрих, вы там были? – спросила та же девица.

– Найн... Иван, Глеб! – Фридрих опять моментально завелся. – Нам надо срочно посетить эту, э-э... галерей!

Чета туристов из Японии прислушалась к разговору, залопотали на своем, японском, и тоже вскочили с лавки, намереваясь покинуть катер.

– Граждане, да вы что, охренели? – удивленно закричал капитан. – Надо вернуться к месту начала экскурсии... Вообще-то остановки не предусмотрены! Это я так, по просьбе трудящихся... – Он кивнул на незнакомку.

– Ну и что? – закричала другая девица, фамильярно обнимая Фридриха. – Великий французский писатель желает осмотреть Солнечный остров...

Фридрих заржал диким голосом, услышав – «француз-

ский», но ничуть не обиделся. На девушек он никогда не обижался.

– Нет, я точно с ума сегодня сойду, – пролепетал Иван Павлович, схватившись за голову, когда понял, что ему предстоит новые испытания.

Первым на небольшой причал спрыгнул Глеб. Протянул руку незнакомке.

– Как вас зовут? – тихо спросил он. Глебу не хотелось, чтобы Ряпушкин слышал его. Только что Глеб хвастался, что у них с женой юбилей, а теперь вот прилюдно кадрится к незнакомой девушке.

– Евгения Владимировна, – в полный голос ответила она, шагнув на землю. – Спасибо.

Далее на берег сошли все прочие. Пустой катер, затарахтев, стал боком, вырубивая на середину Москвы-реки.

– Очень приятно. Я – Глеб Мазуров. Евгения, вы не могли бы...

Евгения небрежно стянула с головы косынку, но легкая ткань вдруг скользнула между ее пальцев и полетела... Впрочем, далеко улететь не успела – прибилась к узорному ограждению набережной, затрепетала, обвив перила... Глеб в два прыжка добежал, схватил косынку и принес ее загадочной Евгении Владимировне:

– Вот, пожалуйста...

– Мерси. – Она взяла косынку, скользнула по Глебу насмешливым взглядом: – Так о чем вы хотели спросить?

– Евгения, вы...

Сзади галдели девицы, ржал Фридрих, размахивал руками, словно собираясь взлететь, Иван Павлович... Глеб достал визитку, протянул Евгении:

– Вы не могли бы позвонить мне как-нибудь?

– Зачем? – Она посмотрела недовольно, колюче. Глеб задумался, пытаясь подобрать слова – у него не было опыта такого рода знакомств.

– Просто так, – ответил он.

– Извините, совсем нет времени. – Женщина покачала головой, развернулась и пошла, звонко цокая каблучками.

Спину Евгения держала ровно, шагала четко, едва заметно поводя бедрами, и весь вид ее говорил о том, что она серьезный, занятой человек и ей не до знакомств.

Может быть, у нее кто-то был. Муж, друг, любовник.

Может, ей не понравился Глеб.

Может, она, как и любая современная женщина, не доверяла уличным знакомствам.

Может быть, она вообще не интересовалась мужчинами.

Впрочем, уже неважно.

Сорвалось. Ну, и слава богу... Так, минутное наваждение. Вспомнил о своей первой любви, вот и рассиропился... Дурак.

Глеб вернулся к своей компании. Его отсутствия, кажется, не заметили – Фридрих обличал современное западное искусство, насквозь пропитанное буржуазным духом, Иван

Павлович бегал вокруг него и девиц, пытаюсь вставить хоть слово. Потом метнулся к Глебу:

– Глеб, что делать?

– Придется идти в музей, что... Девушки, девушки, где этот мыловаренный завод, кто-нибудь знает?

Галдя и шумя, компания отправилась за одной из девиц, которая обещала показать дорогу.

Запищал телефон, и Глеб чуть замедлил шаг. Приотстал... Звонила Нина, жена. Словно шестым чувством почувствовала недоброе...

– Алло, дорогая, как ты?

– Все хорошо... А ты где? Что это за голоса? Ты с кем?

Глеб объяснил, что он с Иваном Павловичем сопровождают Фридриха Бергера и теперь на Солнечном острове собираются посетить художественную галерею, а Фридрих опять умудрился собрать вокруг себя толпу («Нин, ну ты знаешь этого Бергера...»).

– Нина, как ты себя чувствуешь?

– Нормально... Только спала плохо, – ответила она нервно. Видимо, Нину бесили женские голоса в трубке, но она понимала, что Бергер не может без поклонниц.

– Хочешь, я приеду сегодня вечером?

– Ты же занят...

– Но я же не до ночи буду занят, – возразил Глеб. – Нина, я соскучился...

– Милый, я тебя обожаю... Я тоже скучаю без тебя. Но...

нет, сегодня ты лучше не приезжай, – заговорила Нина решительно. – Может, я хоть сегодня выплусь.

– Да, ты права. Отдыхай.

– Я жду тебя к выходным, не раньше. Только не забудь прежде позвонить мне, предупреди, что выезжаешь. Не люблю, когда как снег на голову...

– Да, конечно. Целую.

– И я тебя целую. Много не пей! Я ненавижу, когда ты пьешь.

– А я и не пью.

Глеб нажал на кнопку и прибавил шаг.

...Галерея современного искусства Айрата Тыклера, заведение модное и концептуальное, находилось в помещении бывшего мыловаренного завода. Кирпичная кладка, мрачные своды, гулкие коридоры...

На первом этаже, в одном из залов, располагалась выставка советских плакатов. Фридрих вспомнил о падении Берлинской стены, Глеб не без юмора поведал, как его принимали в пионеры в Мавзолее.

Девицы смеялись – кажется, они не верили ни единому слову, для них те времена были сродни каменному веку. Они уже настолько привыкли к Барби, фастфуду и MTV, что не могли себе представить жизнь на земле без этих достижений цивилизации.

– Девчонки, вы такие милые, такие наивные... – засмеялся Иван Павлович, вытирая платочком глаза. – Сколько ж

вам лет?

– Шестнадцать, – нежно пропела одна из девиц.

– А мне четырнадцать! – весело захохотала другая. Они шутили – на вид им было не меньше двадцати, к тому же Глеб слышал отрывки их разговоров – о заваленных сессиях и прочих делах, которые могли происходить только в институте и никак не в школе. Врут. Никакие они не малолетки.

Впрочем, на доверчивого Ивана Павловича этот ответ произвел неизгладимое впечатление. Он вцепился в Глеба и потащил его в сторону:

– Помилуй бог... Они же несовершеннолетние!!!

– А разве Фридрих покушается на их невинность? По-моему, это они на нем виснут.

– Вам все шуточки, а это такой скандал... – зудел руководитель отдела иностранной литературы.

В следующем зале были работы молодых художников.

– Мазня какая-то!

– Это и я так могу нарисовать.

– Ой, вы посмотрите, что это за кляксы тут! – морщились девушки.

– Принцессы, но это есть супрематизм! Конечно, подражание Малевичу, но...

– Фридрих, вот я и говорю – мазня! Намалевал не пойми чего...

– Русский человек любит реализм, – заметил Глеб. – Чтобы все ровно, красиво, аккуратно и, главное, понятно было

нарисовано. У табуретки – четыре ножки, у человека – два глаза, осенний лес – это осенний лес, а не компот из сухофруктов...

– Глеб, Глебушка, а ты женат?

Глеб отлепил от себя одну из девиц.

– Фридрих, на втором этаже выставка фото... «Посвящение Москве» называется.

Гурьбой поднялись на второй этаж. Фото Москвы – дома, улицы, какие-то подземелья...

От стены с фотографиями подземелий отделилась фигура – мужчина в странном костюме, то ли военном, то ли спортивном. Длинные волосы увязаны сзади в хвост. Лицо знакомое. А, это известный московский диггер Аким Петров! Часто мелькает на телеэкране, рассказывая о кладах, призраках, Метро-2 и прочих невероятных вещах, которые скрыты под землей.

Надо отметить, что Аким Петров тоже имел нюх на известных людей – мгновенно признал Фридриха Бергера и обратился прямо к нему:

– Добрый день! Позвольте поведать вам о древних крепостных подземельях Кремля и Китай-города, о тайных ходах Боровицкого холма и о том, где может находиться библиотека Ивана Грозного. А также о глубинах под Солнечным островом, на котором мы сейчас, кстати, все находимся! Историй у меня много, отчего бы не присесть где-нибудь?

Фридрих так и вцепился в Петрова. Ну как же – тайны и

глубины... Даже девицы у него отошли на второй план.

И как-то так само собой получилось, что известный московский диггер Аким Петров, словно гамельнский флейтист, увлек за собой всю компанию в кафе при галерее – на минус первом этаже, – огромное помещение с арками, сводами, колоннами, напоминающее тронный зал в средневековом замке.

Разговоры, разговоры, разговоры... Даже девицы полностью подпали под обаяние Петрова и теперь внимали только ему. И Фридрих Бергер – большой ребенок, разинув рот, слушал диггерские байки. К компании подтянулись и другие посетители кафе.

Разговоры шли сначала под пиво, затем под вино, а там плавно перетекли в коньячное русло.

– ...мы, диггеры, в курсе всей подземной жизни Москвы. Там сконцентрировано огромное количество негативной энергии, которая формируется из отрицательных эмоций человека! Мы спускаемся в эти пещеры мрака и несем туда свет...

– Аким, а огромных крыс вы видели?

– Сколько раз... Вот такие экземпляры, больше полуметра... Да что крысы, там, под землей, есть гигантские насекомые. Недавно видел сколопендру вот таких размеров, можете себе представить?

– О-о! А-а!

– Страшно!

– Ерунда. Я знаю, как вести себя под землей, и уже столько экскурсий провел...

Беседа протекала настолько мило и душевно, что даже Иван Павлович расслабился. Конечно, тому поспособствовал и алкоголь. В общем, руководитель отдела иностранной литературы забыл о своих страхах и первым предложил спуститься под землю «под чутким руководством нашего дорогого Акимушки».

Глеб, следуя наставлениям жены, старался пить не так много. Поэтому он был единственным, кто вспомнил о Грачеве.

– Иван Павлович, водитель там с ума сходит! – спохватился Глеб.

– Кто? Какой водитель? А, Грачев... ты ему позвони, пожалуйста, я свой телефон в машине забыл.

Глеб достал из кармана сотовый. «Нет связи», – высветилось на экране. В подвальном помещении сигнал не ловился.

– Я сейчас вернусь. – Он поднялся из-за стола, пошел к выходу. Но немного заплутал среди колонн, подпиравших потолок, и нос к носу столкнулся... с Евгенией.

– Простите, – вежливо произнес Глеб, обходя ее.

– Нет, это вы меня простите. Я была с вами груба...

– Перестаньте. Все в порядке!

– Да постойте же вы! – произнесла вдруг Евгения таким несчастным голосом, что Глеб замер на месте. – Мне надо с вами поговорить.

– Со мной? – удивился Глеб.

– Да, с вами.

– Именно со мной? – развел он руками. – Интересно... О чем же?

Еще пару часов назад Глеб был бы страшно доволен, если бы эта девушка хотя бы взглянула на него. Но теперь она его не интересовала. Все уже перегорело. И вообще, так глупо – вспомнил о юношеской своей влюбленности в какую-то Ленку, расчувствовался...

– Давайте присядем, – сказала Евгения.

– Давайте, – без всякой охоты согласился он.

Они сели за колонной – вокруг было много пустых столиков.

– Я вас слушаю, Евгения... э-э... Владимировна.

– Можно просто – Евгения. Не закажете мне чего-нибудь выпить? – Евгения посмотрела ему прямо в глаза.

Однако... Чем дальше, тем сильнее он хотел отвязаться от этой сомнительной особы, но жлобом Глеб никогда не был.

– Сейчас... Что вам?

– А что и вам.

За углом располагалась еще одна барная стойка – Глеб направился туда. Проще было заказать напитки сразу у бармена, чем дожидаться, когда подойдет официант. Глеб хотел побыстрее избавиться от этой, гм... Евгении Владимировны.

Даже здесь был слышен голос Акима Петрова:

– ...а эти места, Солнечный остров то есть, почти не ис-

следованы. Но дело постепенно сдвигается с мертвой точки, скоро в столице будет создана единая карта подземных коммуникаций. Вот буквально в начале этого месяца мэр дал нам, диггерам, такое задание. Для чего карта?.. Ну вы даете! Как же без карты дома проектировать? Построят дом на пустотах, а он возьмет и через годик-другой вдруг провалится, тогда уж без жертв не обойтись... В Москве что ни месяц, такое случается – то асфальт просядет, то еще что...

Глеб, взяв у бармена две пузатые рюмки с коньяком, вернулся. Евгения хотела пить то же, что и он, – вот пусть и пьет. Он, Глеб, пьет коньяк.

– Прошу.

– Спасибо, – сказала Евгения, отпила. Даже не поморщилась.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – спросил Глеб, перекаывая в ладонях пузатую рюмку. «Сейчас допью и пойду Грачеву звонить. Он там с обеда мается...»

– Вы, наверное, бог знает что обо мне думаете...

– Я ничего о вас не думаю, – соврал Глеб.

– Но для чего вы тогда пытались всучить мне свою визитку? – нахмурила она брови.

«Всучить»! В подвальной полутьме ее лицо выглядело совсем уж экзотическим, нарисованным. Глаза казались еще больше, скулы – выше, и еще этот недобрый, трагически-надменный абрис губ... Пряди волос, выбившиеся из прически, полукольцами ложились на щеки. Лицо роковой

красотки со страниц комикса – что-нибудь такое, про город грехов...

– По ошибке, – коротко ответил Глеб. – Именно по ошибке и пытался, как вы выразились, всучить вам свою визитку...

– По какой ошибке?

– Послушайте, Евгения, какая разница... Вы хотели со мной поговорить – так говорите же! Я не один, как вы видели.

– Не надо мне хамить.

– Я?.. Я вам хамлю? – Глеб в первый раз задумался, а в порядке ли у нее с головой, у этой Евгении Владимировны? Может, она сумасшедшая? Или уже успела где-то напиться?

Самое странное, что ни сумасшедшей, ни пьяной эта молодая женщина не выглядела. Она казалась абсолютно нормальной... стервой. Да, есть такая порода отвратительных московских стерв.

– Дайте мне вашу визитку, – сказала она, сделав еще один глоток из рюмки. И опять даже не поморщилась.

– Ничего я вам не дам, – спокойно, даже доброжелательно произнес Глеб, уже разгадавший эту особу. – Все, извините, мне некогда... – Он стал подниматься из-за стола.

– Да стойте же вы! – в неистовом отчаянии прошипела она. – Мне нужна помощь... Я не вру! Если я вас обидела – так простите меня, простите...

Ее порыв ошеломил Глеба, к тому же отчаяние в ее голосе

показалось ему вполне искренним. Скорее ситуацию можно было трактовать следующим образом – московская стерва попала в затруднительные обстоятельства.

– Да не сержусь я на вас нисколько... – растерянно произнес он. – Мне правда некогда!

Евгения прижала ладони к щекам.

– Что же мне делать, господи... – пробормотала она, уставившись глазами, полными слез, на кирпичную кладку. – Я так больше не могу, не могу, не могу...

Глеб опустился обратно на стул. Она, эта Евгения Владимировна, конечно, та еще штучка, но, похоже, действительно нуждается в помощи.

– Что там у вас? – вздохнул Глеб.

– Сейчас... – Евгения взяла салфетку, осторожно промокнула глаза. – Если можно, я по порядку, мне так проще...

– Только недолго.

– Вот, вы опять!

– Говорите, – устало согласился Глеб. Терпение у него было уже на исходе. – Минуты три, пожалуй, у меня есть.

– Хорошо... Короче, у меня есть муж.

– Я вас поздравляю, – сухо произнес Глеб.

– Не с чем... – нетерпеливо отмахнулась Евгения. – Тем более что мы расстались.

– Это меня совершенно не волнует.

– Но это важное обстоятельство... Мы развелись полгода назад, где-то в конце зимы. Это был ранний брак, нам было

по двадцать, нет, даже по девятнадцать, когда мы встретились и поженились – сразу же, почти не раздумывая...

Глеб уже начал сатанеть. Когда же она доберется до сути?

– У вас есть сигареты?

Глеб молча положил на стол пачку сигарет и зажигалку.

– Спасибо. Я не курю, но нервы... Иногда хочется. – Евгения закурила, выдыхая дым вверх. Дым шел у нее изо рта, из ноздрей, хищно раздутых... «Может, она наркоманка? – подумал Глеб. – Выглядит очень прилично, а ведет себя странно... Да, скорее всего – наркоманка!»

– И что муж? – нехотя спросил он.

– Муж... Муж – тряпка, жадина, мелочный, инфантильный, обидчивый, тщеславный тип... Я, к сожалению, не сразу это поняла... Была молодой, глупой. Опомнилась уже после рождения сына. Несколько лет просто терпела – ради ребенка. Потом не выдержала все-таки, и мы развелись.

«Ты? Терпела? – подумал Глеб. – Да ни за что не поверю...» Но слова Евгении о ребенке тронули его сердце.

– Что с ребенком? – не выдержав, он снова задал вопрос.

– С ребенком все в порядке... относительно, конечно... – Евгения смахнула со щек слезы и посмотрела Глебу прямо в глаза: – Он украл Димку.

– Ваш муж украл у вас сына? – на всякий случай переспросил Глеб.

– Да.

– А... а я чем могу помочь?

– Не знаю... Мне никто не может помочь... И вы не можете. – Евгения вдруг сморщилась, точно от сильной боли, отвернула лицо. – Ладно, простите... Идите. Вас правда ждут.

Глеб молча сидел и уходить пока не собирался. У него было ощущение, что Евгения не лгала. Даже больше того – никакой стервой она не являлась, она просто была несчастной женщиной... Женщиной, у которой отняли ребенка. Но все-таки что-то в этой картинке не складывалось.

– Я смотрел на вас – тогда, на катере... Вы фотографировали. Зачем? – спросил он.

– Я профессиональный фотограф. – Она указала на объемный кофр, лежавший рядом, на свободном стуле. – Я фотографирую всегда и везде. Я еще ни разу не выходила из дома без фотоаппарата. Фотографии – это... это дневник моей жизни. Я перестану снимать только тогда, когда перестану дышать.

Объяснение Евгении прозвучало несколько пафосно, но, как ни странно, картинка сложилась. И тут Глеб поверил этой женщине – окончательно, бесповоротно... И как он сам не догадался о том, что Евгения – профессиональный фотограф! Ведь было же очевидно – такая аппаратура серьезная, такие отлаженные, четкие движения рук, сменяющие один объектив на другой, полная ее отрешенность – там, на катере... Только профессионал может так себя вести.

Было, правда, еще одно маленькое подозрение, что Евгения – папарацци, увязавшаяся за великим и ужасным Фри-

дрихом Бергером, но к чему такие сложности – Фридрих ни от каких папарацци скрываться не собирался. Фридрих Бергер – мастер эпатажа и скандалов – сам призвал бы фотографа, чтобы запечатлеть свои выходки. Чем чаще скандалы, тем больше рекламы. Чем больше людей в мире узнает о Фридрихе, тем счастливей он станет.

И потом, это Евгения первой попросила капитана катера причалить к берегу, она не собиралась всю дорогу следовать за немецким классиком... Классик сам решил рвануть на Солнечный остров, по своей доброй воле!

– А что вам тут понадобилось? – спросил Глеб.

– Тут? Тут мой муж.

– И сын? Сын тоже тут?

– Не знаю. Возможно. Возможно, он скрывает сына неподалеку, в своем офисе. У моего мужа офис здесь, на Садовой набережной, в двух шагах от этой галереи. Поскольку сегодня центр был перекрыт в связи с приездом президента Франции... Проще всего было доехать на Солнечный остров на прогулочном катере. Кажется, я это вам уже говорила. Я хочу пить, – безо всякого перехода произнесла Евгения.

– Еще коньяка?

– Нет! Воды, без газа... самой обычной воды! – Евгения улыбнулась краешком губ. Улыбка необычайно ее красила. Она опять стала похожа на Ленку, первую любовь Глеба.

– Сколько вам лет? Простите, глупый вопрос...

– Мне двадцать девять, – ответила она просто. – Сыну –

семь. Он этой осенью должен пойти в первый класс... я надеюсь.

Призрак Ленки из летнего лагеря окончательно исчез, испарился. Заместился другим образом. Наверное, теперь Глеб будет вспоминать именно Евгению, бегущую по ступеням лестницы... Вниз, к нему... Как будто – к нему.

– Сейчас принесу воды. – Глеб отправился к барной стойке. Он был взволнован и недоволен собой. Бедная женщина с самого начала хотела пить, а он притащил ей коньяка... И она выпила. Как она сказала тогда – хочу пить или хочу выпить? Впрочем, какая разница... Сейчас она попросила именно воду.

Глеб подошел к барной стойке, повертел головой, улыбнулся невольно: однако интересная в этом помещении акустика – если стоять здесь, на этом месте, то можно слышать все, что говорится там, на другом конце зала... Вот и сейчас каменный свод над головой Глеба заговорил голосом диггера Акима Петрова:

– ...Солнечный остров скоро будет не узнать. Все перестроят!

– Как, а старинные здания? – со слезой отозвался другой голос – Ивана Павловича. «Похоже, набрался Палыч, – подумал Глеб. – Сейчас договорю с Евгенией и вернусь к нашим...» – Эти старинные здания на набережной тоже перестроят?

– Еще сто граммов коньяка и минералки без газа, – сказал

Глеб бармену.

Зачем ему надо было возиться с этой странной женщиной, у которой бывший муж отнял ребенка? Чем он мог ей помочь? И главное, зачем ему еще сто граммов коньяка?!

– Что, эти дома надо разрушать? – услышал Глеб Фридриха. – Но это есть... Памятник архитектуры! До-сто-примечательность!

– А кого это волнует? Нет, общественность, конечно, не позволит... Вот с мужиком одним подвал дома исследовал – тут, неподалеку. Если правильно дом отреставрировать – еще сто лет простоит, а то и двести. Если начать расширять подвал – рухнет дом, к чертовой бабушке... А они, эти новые домовладельцы, хотят непременно подземные гаражи сделать... Я ему говорю: «Мужик, у тебя не выйдет с подземным гаражом, отступись... Нельзя подвал расширять!»

Глеб вернулся к Евгении.

В этой части зала царила полутьма, было тихо, лишь отдаленные смутные голоса людей сливались с печально-невнятной мелодией. Словно Евгения находилась в центре какой-то воронки, поглощающей свет и звуки...

– Спасибо. Вы очень добры, – сказала она, подняв лицо. Ну и глазищи у нее! «Ее глаза как два тумана, полуулыбка, полуплач, ее глаза – как два обмана, покрытых мглой неудач...»³ Затертые, ставшие банальными, эти строчки точно были – о ней.

³ Н. Заболоцкий. «Портрет».

– А в суд на вашего мужа можно подать? – спросил Глеб, садясь напротив своей новой знакомой. – Может, решение суда заставит его вернуть ребенка...

– Мой муж – богатый человек, бизнесмен. У него – деньги и власть. Мы в России. Здесь невозможно добиться правды... – Евгения отпила из прозрачного стакана воды.

– А если обратиться к прессе? Пойти на телевидение? – не унимался Глеб. – У меня есть кое-какие связи, я могу...

– Глеб, не будьте таким наивным, – быстро перебила его Евгения. – Вы же взрослый человек. И, потом... вы не понимаете...

– Что?

– Этот суд еще сколько месяцев или даже лет будет длиться... а я хочу увидеть своего Димку – вот прямо сейчас, сию минуту, сию секунду, – мрачно произнесла она. – Я думаю о нем не переставая. Как он? Что он ест, во что одет? Ему рассказали сказку на ночь? Он грустный или веселый? В какую школу записал его этот пафосный индюк, его папаша? Как Димка там будет, в школе, подружится ли с другими детьми? Я так хочу его обнять, прижать к себе... я умру, если не смогу его обнять – в самое ближайшее время, вот сейчас... – прошептала Евгения. – Он маленький. Он еще совсем маленький, Димка, только я его понимаю, знаю, чувствую... Только я могу его успокоить, дать ему сил, внушить уверенность. Скоро он повзрослеет, станет самостоятельным, порвется эта невидимая пуповина, которая связывает мать и

дителя, и слава богу, что порвется... Я хочу, чтобы мой Димка был сильным, самостоятельным. Умел принимать решения... Но это потом. А сейчас... я нужна ему! Сейчас ему без меня плохо. Я же без него – умираю...

Глеб медленно допил свой коньяк. Ему было жарко, сердце билось неровно.

Что с ним делала эта женщина? Она играла с ним, точно кошка с мышкой. То приближала, то отталкивала. Она принимала образ то роковой красавицы, то заботливой матери, то напоминала Глебу о первой любви...

Это был тот типаж, который он искал подсознательно, искал всегда. Жаль только, что нашел слишком поздно.

Любить ее он не может.

Может только пожалеть...

– Вы такой добрый, – сказала Евгения, пристально его разглядывая. – Я ведь потому к вам и обратилась... Глеб... можно на «ты», да?... Так вот, я потому и обратилась к тебе, что ты единственный из всей толпы, единственный человек в Москве, который не мог остаться равнодушным к чужому горю, моему горю. Я ехала сюда, истратила последние деньги на поездку на этом катере... Я точно знала, что сегодня мой муж в своем офисе и я смогу поговорить с ним... А ты смотрел на меня, так смотрел! Но я очень грубо себя с тобой повела... Потом-то раскаялась, когда почувствовала, что не справляюсь... Я слышала, что ты с друзьями собирался пойти в галерею Тыклера, и нашла тебя здесь.

– Не справляюсь? В смысле? Ты так и не смогла поговорить с мужем? – глухо произнес Глеб. «Ты...» Оказывается, как приятно говорить – «ты».

– Меня не пустили в его офис. Он запретил своим церберам впускать меня. Я пробовала звонить по телефону, но меня не соединяют... Мой номер в черном списке. А все из-за того, что мы поругались и я наговорила ему много злых слов... Теперь я хочу поговорить с ним по-человечески... И может, он даст мне повидаться с сыном.

– Да, конечно! – горячо согласился Глеб.

– Если б я только могла поговорить с ним...

– Хочешь, я пойду и попробую договориться с твоим бывшим мужем?

– Нет! Нет... – Она в ужасе покачала головой. – Он дико ревнив, он подумает, что ты – мой любовник... Я должна сама каким-то образом проникнуть в его офис...

– Но как? Там же охрана у входа, – возразил Глеб.

– Я могла бы подкупить их, – быстро произнесла Евгения, дрожащими руками схватившись за сигарету. Глеб щелкнул зажигалкой. – Спасибо. Тогда охрана бы пустила меня внутрь.

– Ты думаешь? – засомневался Глеб.

– Если дать много – да. Вопрос не в деньгах, а в их количестве, – твердо произнесла Евгения.

«Она права...» Глеб полез в карман.

– Кредитную карточку не брал сегодня, забыл дома... а

вот наличные есть! – Он вытащил из бумажника пачку денег. – Тут тысяч двадцать... Должно хватить, как ты думаешь?

– Я надеюсь.

– Бери все.

– Спасибо, я верну. Может, даже сегодня верну – если охранники откажутся принять деньги. Жалко, что не могу позвонить мужу со своего сотового...

– Бери мой, звони! – Глеб положил на стол свой мобильник.

– Да, спасибо... – Евгения схватила телефон, принялась жать на кнопки. – Если я сейчас дозвонюсь Толику и договорюсь с ним, то мне вообще ничего не понадобится. Толик – бывший муж... Ой, что это?... – испугалась она. – Пишет, что нет связи!

– Так здесь подвал! Надо на улицу выйти! – засмеялся Глеб, разглядывая Евгению – с ног до головы. На нее хотелось все время смотреть – такой она была ладной, ловкой, лаконичной... Гармоничной. Искренней – в словах, движениях, повороте головы, взмахе тяжелых ресниц...

– Точно... я как-то не сообразила! – засмеялась и она. – Глеб, ты ангел. У тебя случайно нет крыльев? – Она провела ладонью по его спине, потом быстро поцеловала – в губы. Поцелуй длился всего мгновение, но подействовал на Глеба ничуть не хуже наркоза. Он оцепенел, онемел, ослеп и оглох. Он забыл, кто он и что он. Он забыл про жену, он забыл про

Нину!

Словно сквозь плотную пелену тумана до Глеба донеслось:

– Спасибо, милый... Я скоро вернусь. Никуда не уходи!

Секунда, две, три... Минута. Еще минута. Глеб мучительно переживал этот поцелуй. За время, что он провел с Евгенией, он, кажется, успел влюбиться в нее. Словно юноша. Он горы готов был ради нее своротить. Ради нее и ее сына...

Почему так произошло? Почему он никогда не терял головы раньше? Чем Евгения смогла его околдовать? Тем, что точно попадала в образ идеальной женщины, который есть в голове каждого мужчины?

Ну да, он влюбился в нее – еще там, на катере, когда Евгения сидела напротив и ветер трепал ее шелковистые тяжелые волосы.

И так жалко ее было, неразумную, несчастную женщину, не сумевшую договориться с бывшим мужем...

Он, Глеб Мазуров, сорока лет, сидит и мучительно переживает, проживает вновь и вновь прикосновение ее губ. Он, Глеб Мазуров, верный семьянин и добропорядочный гражданин, у которого в ближайшее время юбилей супружеской жизни. Двадцать лет счастья вдруг забыты из-за какого-то поцелуя!

Отдаленный шум голосов, музыка. «Пора идти к нашим... Что еще? А, надо позвонить Грачеву. Но это ладно, потом... Когда Евгения вернет телефон».

Глеб тяжело поднялся и направился в другой конец зала. Между колоннами в полутьме, сверкающей огнями, снова-ли люди, слышался девичий смех. А, это девицы из эскорта Фридриха...

– Девчонки, привет еще раз. – Глеб опустил на стул. – А где Фридрих, где Палыч?

– Сказали, что скоро придут, – хихикнула одна из девиц.

– Куда они пошли? – поразился Глеб. И только сейчас осознал, насколько он пьян. Вроде может двигаться, говорить, соображает тоже... Но как будто это не он, а какой-то другой человек. Чудно так. Недаром Нина просила его много не пить.

– Фридрих и этот лысый дядька, ваш друг, пошли вас искать. Вместе с этим... с диггером! – сказала вторая девица и с шумом допила через трубочку коктейль.

– А зачем меня искать? Я же тут! С кем они пошли? С Акимом Петровым?

– Ну да! – недовольно произнесла третья девица. – А тот лысый дядька похож на марабу. Я видела марабу в зоопарке. Он совершенный дурак и ущипнул меня больно.

– Тебя ущипнул марабу? – поразился Глеб.

– Лысый дядька меня ущипнул! И вообще, мне скучно... Катя, мне пора домой, уже поздно.

– Ой, и мне пора... Верка с Екимовой уже давно ушли... И мы пойдем. Все, передавайте привет Фридриху. Он гений, но такой чокнутый...

– Все гении чокнутые! – заметила другая девица. – Ну все. Пока-пока...

Через мгновение Глеб сидел за столом один.

К нему подошел официант:

– Будем еще что заказывать? Или принести общий счет?

«Какой еще общий счет? Палыч ушел, не расплатившись? Нет, не может быть... Сейчас они с Фридрихом вернутся!»

– Нет, я должен дождаться друзей. Счет – не надо пока, коньяку принесите... нет, стойте! Воды, пожалуйста, и чего-нибудь съесть, – сказал Глеб, потирая виски.

Официант принес минералки и миску с овощным салатом.

На самом деле исчезновение Фридриха с Иваном Павловичем мало волновало Глеба. Эти-то вернутся, куда денутся... А вот как быть с Евгенией? И вернется ли она?..

А что, если Евгения его обманула? И она не вернется? А если она – мошенница, вытянувшая из него деньги и заставившая его добровольно расстаться со своим сотовым?..

– Какой же я дурак... – шепотом произнес Глеб, схватившись за голову.

Осознание того, что его обманули, пришло внезапно и без всякой причины. Наваждение ушло. Глеб со стороны увидел сцену, произошедшую между ним и молодой женщиной с катера. Он, Глеб, добровольно отдал деньги и телефон какой-то продувной бестии.

Деньги – не жалко, не обеднеет, телефон – новый купит,

это ерунда! А вот то, что его, сорокалетнего дядьку, обвели вокруг пальца – уже серьезней. Это теперь – факт его биографии.

Теперь Глебу осталось только одно – сидеть в этом дурацком подвале и дожидаться Ивана Павловича с Фридрихом. Расплатиться-то ему нечем!

* * *

– ...Мы ведь, Фридрих, практически уже нашли библиотеку Ивана Грозного! Ты про Ивана-то знаешь?

– О да, Иван, жестоки русски цар! Опричних... Иван Грознофф.

– Фридрих, я тебя так уважаю! Поразительная эрудиция... Палыч, согласись, что Фридрих – гений! Не всякий московский школьник свою родную историю знает... Так вот, у Ивана Грозного была уникальная библиотека, и она пропала, значит, после смерти царя... Четыреста лет ее ищут! Большинство историков считает, что она где-то рядом, в кремлевских подземельях... И вот, значит, исследуем однажды мы местность под Боровицкими воротами, и вдруг – дверь! Подводим под дверь небольшую видеокамеру – телеглаз – и что? На мониторе видим сундуки... По описанию, в каких раньше книги хранили. Ну, думаем, нашли библиотеку! И тут, как назло, прорвало трубы. Хлынула вода, нас смыло к чертовой матери, закрутило... Еле выбрались!

– Иохим, ты – герой... – Фридрих пожал Акиму руку.

– Герой! Акиму орден надо, за его подвиги! – взволнованно согласился Иван Павлович. – У нас под ногами, можно сказать, живая история, и только он не ленится заглянуть под землю...

– Хотя, конечно, в тех сундуках и тряпки могли храниться, – сам себе скромно возразил диггер. – Ведь раньше шкафов не было, все добро в сундуки прятали...

– Глеб! Глеб, ты где? – время от времени кричал Иван Павлович.

Они втроем шли вдоль набережной – искали Глеба Мазурова (пошел звонить и не вернулся – не мог же тот исчезнуть просто так!), а заодно слушали лекции именитого диггера. Аким Петров обладал несомненным талантом массовика-затейника – он настолько накрутил своих новых друзей историями о подземельях, что они сами рвались теперь сделать какое-нибудь сенсационное открытие. Ведь под каждым камнем могла скрываться тайна!

Иван Павлович к этому моменту чувствовал необычайный подъем. Он не только мог легко разыскать безответственного Глеба Мазурова, а даже найти библиотеку Ивана Грозного! Как работник издательства и страстный библиофил, Иван Павлович чувствовал, что просто обязан это сделать – вернуть народу утраченные ценности. Пожалуй, программа-максимум – поиск библиотеки – даже важнее, чем поиски переводчика...

– Ак... Акимушка, так ты говоришь, тут, под Солнечным островом, твои диггеры и не смотрели еще толком?

– О да, тут мы только начали составлять карту подземных мест...

– Если библиотека – не под Боровицким холмом, а – здесь? Ну не стал бы Иван Грозный, умный человек, так близко к Кремлю закапывать ценные книги... Это слишком просто. А спрятать книги подальше от центра – верх мудрости...

Они свернули на одну из улочек, расчищенных под строительство. Солнце уже село, но августовский вечер был прозрачен, воздух словно светился...

– Глеб! Гле-э-эб! – заорал Фридрих Бергер.

– Во... – Диггер копнул ботинком песок. Показались кирпичи. – Видели? Старинная кладка. Тут, говорят, церковь раньше была.

– Кирхен? – метнулся к ним Фридрих. – Иван Грознофф был очень религиозный человек, много молиться... – опять показал свою эрудицию Фридрих. Сосредоточенно сопя, он опустился на корточки и принялся ладонями копать песок, обнажая кирпичи. – Библиотик – здесь, я чувствую.

– Точно, – потрясенно произнес Иван Павлович. – Ик... и я это чувствую! – Он отступил на шаг назад и споткнулся о край канализационного колодца. – Упс... Чуть не это... Фридрих! Фридрих, брось копать, мы до подземелья быстрее можем добраться! – Ивана Павловича вдруг посетило оче-

редное озарение. – Нам – сюда. – Он указал на колодец.

– Палыч, ты тоже есть гений! – восхитился Фридрих и принялся помогать руководителю отдела иностранной литературы. Поднатужившись, они сдвинули крышку канализационного люка.

– Ребята, что это вы делаете? – побледнел Аким Петров.

– Как что? Ищем библиотик!

– Акимушка, ты это... води нас! Аки... аки Вергилий! – страстно произнес Иван Павлович.

Диггер Аким Петров возмущился – он собирался провести пешеходную экскурсию по Солнечному острову, чтобы поразить этого иностранца, Бергера, своими знаниями старины, но лезть сейчас под землю...

– Ребята, вы обалдели! Вечер, а у нас нет ни оборудования, ни спецодежды, ни страховки... Фонаря – и то нет!

Диггер не знал, что с немецким писателем спорить бесполезно.

Фридрих Бергер, пыхтя, принялся первым спускаться по лестнице в колодец.

– Свет истины – он скрывается во тьме... Фораус, нах ун-тен! Вперед! Вниз!

– Фридрих, ты чего?! Палыч, скажи ему! Это ж самоубийство!.. – еще сильнее запаниковал Петров.

– Книга – это самое сак... самое сакральное изобретение человечества! – с укоризной произнес Иван Павлович и полез вслед за Фридрихом вниз. – Мы, Акимушка, должны

найти библиотеку Ивана Грозного и отдать ее народу. У нас, Акимушка, самый читающий народ в мире...

Иван Павлович уже наполовину был в колодце.

Бульк! – вдруг раздалось снизу.

– Что это было? – с удивлением спросил руководитель отдела иностранной литературы. – Фридрих, Фридрих, ну как там? Ты что-нибудь нашел?

Снизу раздалось чавканье, и Фридрих произнес что-то по-немецки. Какую-то короткую и очень емкую фразу.

«Жалко, Глеба с нами нет... Он бы перевел! Но он куда-то сбежал, переводчик наш. И это очень плохо его характеризует как человека!» – с огорчением подумал Иван Павлович, держась за холодные скользкие ступени.

– Фридрих! С вами все в порядке?

Ответом была немецкая речь, из которой Иван Павлович понял только одно слово – «муттер».

– Вылазь! Все вылазьте! – плачущим голосом закричал Аким Петров.

Диггер схватил Ивана Павловича за воротник стильного летнего пиджака из хлопка, с силой потянул на себя, Иван Павлович стал вынужденно перебирать ногами, ища точку опоры, подошвы его ботинок заскользили по ступеням лестницы.

Как так произошло, что он сорвался с лестницы и упал на дно колодца, Иван Павлович не понял. Но он тем не менее лежал на мягкой, пружинящей грязи. Рядом чертыхался

Аким Петров. Наверное, Петрова утянуло вслед за ним.

Потом вспыхнул огонек – это чиркнул зажигалкой Фридрих Бергер.

Иван Павлович увидел, что они, все втроем, оказались на дне канализационного колодца. Сверху, высоко, было августовское вечернее небо, и краешек полной луны плыл среди серебристых облаков.

– До лестницы не дотянуться, – убитым голосом произнес Петров. – Вот влипли...

– Влипли, – сказал Иван Павлович, чувствуя, как потяжелел его летний итальянский пиджак из хлопка, пропитавшись грязью. И пахло тут... Буквально влипли!..

– Ау! – заорал Фридрих трагически-мощно, с какими-то вагнеровскими модуляциями в голосе. – Хелфен! Помогите!

От падения Иван Павлович начал стремительно трезветь.

«Господи... – подумал он с ужасом. – Как же так получилось, что я, приличный, нормальный человек, вдруг оказался здесь, в этой клоаке? Причем заметить, господи, – по своей доброй воле! Какая такая сила занесла меня сюда?.. И, что хуже всего, я позволил Фридриху Бергеру, мировой знаменитости, тоже оказаться в этой грязной западне... Мы попали на самое дно московской жизни!»

Иван Павлович готов был рвать на себе волосы от отчаяния – конечно, если бы они у него росли на голове.

«С какого момента я потерял контроль над ситуацией? Как так получилось?» – лихорадочно размышлял Иван Пав-

лович. И пришел к выводу, что все пошло наперекосяк с того самого момента, когда Глеб Мазуров предложил им с Фридрихом покинуть машину.

Глеб – чудовище с холодными рыбьими глазами. Бессердечный монстр. Невозмутимый, равнодушный, безжалостный. Взял да и сбежал от них с Фридрихом, даже не предупредив! И как только его терпит бедняжка-жена? Двадцать лет терпит... Памятник надо его Ниночке!

– Ау-у-у! – подвывал Фридрих.

В этот момент небо померкло – кто-то склонился над колодезцем:

– Кто тут? Кто орет?

Судя по начальственному, свирепому басу – это был доблестный представитель правоохранительных органов.

– Мы здесь! – отозвался Иван Павлович. – Вытащите нас, пожалуйста!

В колодезц посветили фонарем.

Иван Павлович зажмурился – но перед тем успел разглядеть, что Фридрих и Петров, стоявшие рядом, были с ног до головы испачканы грязью. Он, наверное, выглядел не лучше... да, вот это скандал.

– Кто это – мы? – сурово спросил бас.

Иван Павлович хотел поведать человеку сверху, что они интеллигентные люди, решили отыскать библиотеку Ивана Грозного, не рассчитали своих сил, и вот...

– Кто – мы? – сатанея, рявкнул голос. – Ну?!

Отвечать следовало незамедлительно.

— Мы — библиофилы! — с достоинством крикнул Иван Павлович, вложив в этот краткий ответ всю возможную информацию.

Повисла тишина. Потом голос проорал куда-то в сторону.

— Зайцев, Голобородько — ко мне! Вытаскивайте их. Извращенцы там засели. Сами признались. Давайте тащите их, и быстрее в отделение!

* * *

Прошел час, потом другой. Окончательно стало ясно, что Ряпушкина с Бергером ждать бесполезно.

Позвонить им Глеб не мог, даже со стационарного телефона кафе — номеров он все равно не помнил. Да и у Ивана Павловича вроде тоже телефона при себе не было...

Позвонить еще кому-то из знакомых, попросить подвезти денег? Поговорить с администрацией кафе — так и так, дескать, небольшое недоразумение... Глеба поймут, наверняка пойдут навстречу (тем более что немецкого классика тут все признали). Но это и плохо, что признали.

Н-да, очень уж неприятный скандал может получиться... из тех, которые даже Фридрих не любит. Одно дело — эпатировать публику старушечьими кофтами и крайне левыми взглядами, другое — элементарно не заплатить по счету. Рисковать репутацией Бергера, репутацией издательства — Глеб

не мог. И своей репутацией – «ой, люди добрые, меня одна аферистка вокруг пальца обвела, все денежки выцыганила...». Нет уж, лучше самому решить этот вопрос, не привлекая ни администрацию кафе, ни других сторонних людей. А с Ряпушкиным потом можно разобраться. Куда они, кстати, пропали с Бергером? Может, Грачеву все-таки удалось проехать на остров и он увез их?.. Если бы Глеб не позволил аферистке заморочить себе голову, он бы сейчас не оказался в таком положении, да еще без денег и сотового...

– Ваш счет. – Официант положил на край стола кожаную папочку. – Заведение закрывается.

Глеб заглянул в папочку. «О-о... Ровно двадцать тысяч! Это что, насмешка судьбы?»

– Послушайте, у меня сейчас нет денег, – сказал он. – Судя по всему, я разминулся с друзьями. Давайте я вам что-нибудь оставлю в залог, а завтра подвезу денег.

Глаза у официанта стали возмущенно округляться.

Глеб быстро снял с руки часы:

– «Лонжин», настоящие. Не копия.

Часы были подарком Нины, и стоили... ну, раз в десять больше той суммы, что стояла в счете. Конечно, не самая роскошная модель у «Лонжин», из простеньких, но весьма приличная.

Официант повертел часы на ладони. Взгляд у него был цепкий, серьезный – взгляд знатока (нынче все, живущие в Москве, стали разбираться в часах, одежде, марках машин –

даже те, кто едва сводил концы с концами).

Официант, хищно улыбнувшись, сказал:

– Если вы не подвезете денег, я часы себе оставлю.

– Я привезу, – твердо произнес Глеб. – Вы только расписку напишите, что я вам их отдал на хранение.

...Через пять минут Глеб уже шел вдоль набережной, по направлению к метро. Конечно, быстрее было бы уплыть на катере, но движение по воде уже прекратилось. Час-то поздний! Алкоголь от быстрой ходьбы практически выветрился из головы, но душевное состояние продолжало оставаться скверным.

Глеб переживал не из-за часов... Часы он себе вернет. Из горла у того официанта вырвет, если тот попытается их присвоить себе.

Глеб сейчас переживал – глобально. Жить в мире, где существуют особы, подобные Евгении, – коварные, корыстные, лживые, мелочные, манерные, – противно. Она ведь, чтобы обобратить Глеба, сразу нашла его слабое место. Надавила на больную мозоль.

Дети!

«У меня украли сына, я так переживаю...» Ловкая манипуляторша.

Глебу было стыдно за то, что Евгения ему понравилась, что он, чего греха таить, почти влюбился в нее.

Уж лучше бы Евгения была простой карманницей. Обшарила бы карманы да сбежала бы. Куда честнее, чем весь этот

спектакль разыгрывать!

«Это мне наказание. Ничего не бывает просто так... Даже в мыслях нельзя изменять той, с которой прожил полжизни, той, которую любишь больше жизни... Ниночка, рыбка моя. Прости, прости, прости!»

...Свою будущую жену Глеб Мазуров встретил двадцать лет назад, когда только вернулся из армии. Нина была на год старше, училась на экономиста. Скромная, тихая девушка. С трудной судьбой (как не пожалеть!) – родители умерли, Нину класса до восьмого воспитывала тетка в деревне, потом девочка перебралась обратно, в родительскую квартиру, и жила уже одна там. Самостоятельная, разумная. Нина – не красавица, но и дурнушкой ее тоже нельзя было назвать: круглое личико, губы чуть узковаты, но зато – водопад иссиня-черных волос.

Пожалуй, единственным крупным недостатком Нины являлось, если можно так сказать, наличие в подругах некоей Светы Злобиной, бывшей одноклассницы Нины. Света часто заваливалась к молодой паре в гости, совала нос куда не следует... Света терпеть не могла Глеба, равно как и весь мужской пол, и потому постоянно пилила подругу: «Нина, брось его, зачем ты с ним связалась, все мужики сволочи, одной жить лучше!»

Но Глеб научился мириться с частыми визитами Светы. (Кстати, Светка так и осталась старой девой, мужа себе не нашла. Оно и неудивительно – характер у нее был скверный,

под стать фамилии, а внешность ее... выглядела она примерно так, как Надежда Константиновна Крупская, причем не в самые лучшие свои годы. За единственным исключением – Света не страдала базедовой болезнью.)

Итак, брак Глеба и Нины, хоть и заключенный по любви, был все равно скороспелым. У Глеба все приятели, вернувшиеся из армии, быстро женились, но и развелись так же быстро – все. В те времена ранние браки еще считались нормой. Кроме того, одновременно с женитьбой Глеб поступил в институт. А какой из студента муж? Тут даже на большой любви долго не проживешь: ни денег, ни свободного времени... Какая еще семья?!

И в довершение всего Глеб увлекся подругой жены. Не Светкой, нет, упаси бог... Однажды к Нине приехала из Питера ее подруга детства, Катенька, – хрупкая, изящная ученица хореографического училища, – вот между ней и Глебом пробежала искра.

На третий день пребывания Катеньки в их доме (гостиницы – удовольствие дорогое) как-то так получилось, что Глеб поцеловал эту самую Катеньку. На маленькой кухне, где очень непросто было разойтись, не прикоснувшись друг к другу, даже людям с астеническим телосложением... Катенька ответила на поцелуй немедленно и с таким энтузиазмом отличницы...

Неожиданно появилась Нина – она вернулась из института, тихо открыв дверь своим ключом. Сразу же отправилась

на кухню готовить ужин – и увидела пикантную сцену. Дальше поцелуев у Глеба с Катенькой не зашло, но, если бы Нина задержалась в своем институте еще минут на десять, зашло бы, сто процентов.

Глеб был нормальным молодым мужчиной, Катенька – нормальной молодой женщиной... Обычное дело, все через это проходят. Без измен ни один брак не обходится, даже самый идеальный. Но с Ниной, когда она увидела Глеба, обнимающего Катеньку, случился обморок: она, не сказав ни слова, покачнулась, завела глаза под потолок и стала падать. Глеб не успел подхватить жену – та виском ударилась о край раковины, брызнула кровь... В сознание молодая жена пришла не сразу. Вызвали «Скорую», врачи нашли у Нины сотрясение мозга, отвезли в больницу, зашили ссадину на виске.

«Еще ударилась бы она чуть левее, на полсантиметра всего, – остались бы без жены. Височная кость тонкая, – сказал Глебу врач в больнице. – Эх, молодежь... Вот ты, парень, зачем женился? Не нагулялся еще? Ну и гулял бы себе дальше! Выбрал бы раз и навсегда – либо гулянки, либо семейная жизнь!»

Эти слова очень сильно повлияли на Глеба. Он до того особо не думал, чего он хочет от жизни, – просто плыл по течению. Но с этого момента решил – останется с Ниной. Будет верен ей. Плевать на инстинкты, на пустые разговоры о том, что мужчина не способен хранить верность одной-един-

ственной женщине... Он, Глеб Мазуров, – способен.

Его неверность чуть не убила Нину. Глеб, уже потом, глядя на других женщин, всегда вспоминал тот день, когда в коридоре накручивал диск старого телефона, вызывая «Скорою». Рядом бурно рыдала Катенька, все твердила, что она ни в чем не виновата, что не хотела и т. д. и т. п. Потом Глеб снова прибежал на кухню и увидел лежащую на полу жену, все еще без сознания. Бледное, неподвижное лицо Нины было в крови, дыхания не слышно... Он, Глеб, чуть не убил ее. Полсантиметра до смерти.

Разве верность – такое серьезное испытание, что он его не выдержит?

Разве инстинкты – сильнее любви?

И вот результат – Глеб Мазуров за двадцать лет супружеской жизни ни разу не изменил жене. Да, появлялись иногда на горизонте красивые женщины, которые проявляли к нему явный интерес... были и ситуации – такие, особые... но ни разу Глеб не воспользовался случаем, ни разу не ответил на чей-то заинтересованный взгляд. Глеб, как мужчина, умер для мира – в тот самый день, когда по его вине чуть не погибла Нина.

Зато Глеб Мазуров родился как муж Нины, как возлюбленный одной-единственной... Он не бравировал и не хвастался своей верностью, но он также и не скрывал ее, эту верность, – например, в мужских компаниях, когда велись самые откровенные разговоры за бутылочкой пива... «Да, ре-

бьята, я ни разу не изменил Нине». – «За столько лет – ни разу?! Мазуров, ты даешь! Кремень...»

Он был самым собой – таким, как есть.

А тогда, двадцать лет назад, когда Нину, бледную, заплаканную, с повязкой на голове, отпустили через пару часов домой из больницы, он обещал ей, что – никогда больше. Никаких Катенок... Собственно, и с Катенькой ничего такого еще не успело произойти. Ревновать не к чему, любимая. «Прям! Да кто этим мужикам поверит! – бушевала Света, немедленно примчавшаяся поддержать подругу в трудной ситуации. – Гони его, Нинка, в шею! Они все – кобели! Их уже не переделать!»

«А я ему верю, Света!» – вдруг сказала Нина и протянула Глебу руку.

«А почему ты в обморок упала? Такой шок был? А вдруг ты чем-то больна? Просто так люди в обморок не падают! Нет-нет, не просто так, – тут же поправился он. – То, что я сделал, – отвратительно, но все равно как-то странно... Обморок – это серьезно! – Глеб обнял Нину. – Послушай, может, тебе еще надо провериться, у другого врача?»

«Пожалуй, да, – кивнула жена. – Если честно, то у меня иногда какой-то шум в ушах... и тут колет, – она указала на сердце. – Я не сказала об этом доктору в больнице, а, наверное, следовало бы...»

«Вот! – завопила Света Злобина. – Нинка вся больная, а ты ее окончательно на тот свет отправить хочешь! Негодяй

ты, Мазуров! Убийца!»

Света напрасно подзуживала подругу – Нина простила Глеба. А потом действительно обнаружилось, что она больна. Сердце, сосуды, проблемы по женской части... нет, инвалидом Нина не была, но с тех пор не вылезала от докторов.

И как Глеб мог обманывать несчастную, больную женщину? Он и не мог. Он жил только для Нины. Спустя несколько лет, когда Глеб уже работал (Нина так и не смогла окончить институт, сидела дома), выяснилось еще, что, скорее всего, Нина не может иметь детей. Нет, шанс был, но довольно призрачный... Нина держалась. Она мужественно продолжала ходить по врачам, а результата – никакого...

Глеб же к тому моменту хотел детей, очень хотел. Но если не судьба?

Год назад, когда Нине исполнилось сорок, Глеб дал себе слово: как бы он ни мечтал о ребенке, он никогда не оставит жену. Он будет рядом с Ниной до самой смерти. Он переживет. Он сможет. Он любит Нину – ведь та всю свою жизнь отдала ему...

...Глеб вернулся домой во втором часу ночи.

Он с таким исступлением думал о Нине, так корил себя за то, что на какое-то время потерял голову, болтая с этой аферисткой, как ее там... Евгенией, Женькой... Женькой Золотой Ручкой, – что всю ночь ворочался с боку на бок, точно на сковородке.

Под самое утро Глеб решил ехать на дачу – сейчас, немед-

ленно. Ему невыносимо хотелось увидеть Нину. Позвонить ей, предупредить, что едет? Нет, не стоит – еще очень рано, она, наверное, спит...

Подобных эскапад – приехать без предупреждения, устроить сюрприз, выпрыгнуть из-за угла с букетом цветов и прочее – Глеб не позволял себе никогда. Никаких резких, неожиданных движений, поступков, порывов. У Нины было слабое сердце – когда-то, давно, она договорилась с мужем на этот счет. Кроме того, у Нины имелись проблемы со сном. Она спала плохо, а если уж просыпалась среди ночи – то больше не могла заснуть. Глеб во сне ворочался, иногда храпел, вставал – чтобы попить водички, если перебрал накануне... Поэтому не дать Нине лишний раз выспаться – жестоко.

Но сегодня Глеб все продумал – он не будет ей звонить, поскольку, скорее всего, она еще спит, а приедет на дачу и там тихонько дождется пробуждения жены. Потом проведет с ней рядом целый день, а вечером вернется в Москву...

Глеб умылся, побрился, сел в машину – благо алкоголь из крови уже выветрился.

Грядущий день у него был свободным, у Фридриха намечались съемки в студии – большое интервью для российских читателей, с переводом очередного романа тоже можно было не торопиться – сроки еще позволяли... «А за часами съезжу вечером. Никуда они не денутся! Нине скажу, что часы забыл дома, в Москве... Она поверит – знает, что я товарищ

рассеянный, часто что-то забываю. Главное – увидеть ее поскорее!»

Здесь надо заметить, что Нина, слабая здоровьем, большую часть лета проводила на даче. Врачи рекомендовали ей свежий воздух. Глеб тоже мог жить на даче, с Ниной рядом (какая разница, где сидеть за компьютером – в городской квартире или за городом), но не хотел лишний раз обременять жену своим присутствием – ведь тогда Нина была вынуждена стоять у плиты, хлопотать по хозяйству, слушать его храп, а потом, не выспавшись, снова вставать к плите... И как следствие – у нее начинала кружиться голова, скакало давление. А ведь бесполезно говорить: «Приляг, Ниночка, я все сделаю сам!»

...Около восьми утра Глеб уже ехал по территории коттеджного поселка, где располагалась и их с Ниной дача. Дорога была едва видна – над землей стелился туман, и солнце с трудом пробивалось сквозь дымку.

Глеб думал о Нине. Вернее, не думал, а представлял ее в самых разных ситуациях – как она ходит, улыбается, лежит на диване с книгой... Или сидит на веранде, раскладывая за столом пасьянс, время от времени отгоняя рукой комаров... Ее волосы черной волной рассыпаны по плечам, укутанным пледом, лицо – белое-белое, без единой морщинки, с идеально ровной кожей...

Она вся была розово-белой, мраморной. Чуть тяжеловатая красота древних богинь. Спокойные, плавные движения.

Спокойный голос, чуть с хрипотцой: «Глеб, ты приехал!» – так скажет она, когда увидит Глеба.

«Прости, не позвонил... Но у меня украли телефон, можешь себе представить?»

«Могу. Как у тебя голову еще не украли! Рассеянный, с улицы Бассейной... Ты пил?» – строго.

Нина всегда все замечает, всегда чувствует его настроение. Они – единое целое, у них одно сердце на двоих. Спросились намертво – только разрубить можно, с кровью...

«Немного».

«Ну да... Немного! Вон, мешки под глазами. Совсем опух от пьянства. Обещай, что больше не будешь!»

«Обещаю».

«Ты врешь!» Она засмеется, безнадежно махнет рукой.

«Ты лучше всех. Я люблю тебя. Только тебя...»

– Только тебя... – шепотом повторил Глеб, подъезжая к высокому кирпичному забору, которым была окружена его дача.

Машину он оставил у ворот – потом загонит в гараж, когда Нина проснется, ни к чему сейчас шуметь... Через узкую дверь в воротах Глеб вошел в сад.

И здесь между деревьев плыл туман, пахло сыростью. Розы на клумбе еще цвели – огромные, пунцовые... Но под ними на земле уже были рассыпаны опавшие лепестки. Скоро осень.

Высокий забор надежно скрывал сад от посторонних глаз.

С соседями Мазуровы не дружили – слева была дача одной старухи, генеральской вдовы, терзаемой злой тоской по прошлому, справа – набегам жила семейная пара, Астафьевы, – люди шумные и бесцеремонные. Нина терпеть не могла старуху, с Астафьевыми тоже давно разругалась (что за мода – устраивать пикники с музыкой аж до самого рассвета!), а Глеб еще продолжал с ними здороваться, но старался не делать это при Нине.

Сейчас со двора Астафьевых не доносилось ни одного звука – наверное, соседей не было на даче, или они тоже спали.

Глеб по асфальтовой дорожке направился к веранде, то ли наслаждаясь, то ли томясь этой густой, прохладной тишиной, нарушаемой лишь шелестом листвы...

«Нина. Ниночка... Я здесь».

Вот и окно, за которым была спальня. В доме темно, шторы задернуты кисеей, окно плотно закрыто.

Окно – закрыто?

В первый момент Глеб как-то пропустил это обстоятельство, а потом удивился. Нина никогда не спала с закрытыми окнами – ей вечно не хватало свежего воздуха. Одышка. Впрочем, и бодрствуя, Нина окон тоже не закрывала.

Странно.

Глеб уже не думал о том, разбудит он жену или нет.

Подошел к входной двери – закрыта. Снаружи висел тяжелый вычурный замок.

– Опаньки... – растерянно пробормотал Глеб.

Он достал из кармана ключ (слава богу, что с ключами он никогда не расставался), открыл замок, вошел в дом. Тишина, древесный запах, перемешанный со слабым ароматом трав – Нина любила сухоцветы.

На всякий случай Глеб обошел весь дом, залез зачем-то на чердак... Заглянул в гараж (пустой, машины Нины там не оказалось), обшарил сад.

Нины не было.

«Она уехала! Но почему не позвонила? Как это почему? Мобильник-то у меня увели! Хотя Нина могла оставить сообщение на городском телефоне!» Потом Глеб попытался вспомнить, когда Нина обещала приехать в город. Кажется, в ближайшие несколько дней – точно не собиралась.

Ей стало плохо и она поехала к доктору? Но как в таком случае Нина рискнула сесть за руль?

Глеб еще раз обошел дом. Порядок, чистота. Хотя на комоде лежал легкий слой пыли – что очень нехарактерно для Нины, она убиралась каждый день.

Глеб зашел в спальню – аккуратно застеленная постель, ровно натянутое покрывало, край бахромы на нем строго параллелен полу. Не пахло здесь и «Шанелью номер пять» – любимыми духами Нины, которыми она поливала себя постоянно.

И порядок, и пыль, и холодный, неживой какой-то воздух – все говорило о том, что дом пустовал довольно давно. По крайней мере, несколько дней... А это странно – ведь Глеб

говорил с женой буквально вчера. Нина находилась на даче, жаловалась по телефону, что плохо спала, просила его предупредить заранее о своем приезде... Что еще? Да вроде ничего.

Дикость какая-то. Ее похитили несколько дней назад, а вчера заставили позвонить, солгать мужу? Зачем? Бред... Но ведь никаких следов похищения! И, если вспомнить, голос у Нины был совершенно нормальный, утомленно-нежный – ни тревоги, ни беспокойства в нем не замечалось. Пожалуй, даже капризно-раздраженный слегка...

Беспокоиться не имело смысла. Наверное, они просто разминулись с женой. Ну а пыль... Ерунда. Пыль может за пару часов накопиться. И флакон любимых духов – внезапно закончиться. Но в любом случае стоит позвонить Нине.

«Мобильника-то нет!» – с досадой опять напомнил себе Глеб. Делать нечего – он отправился к Астафьевым. Уж номер телефона жены Глеб знал наизусть.

...Глеб нажал на кнопку звонка.

Минут через пять дверь в воротах соседского дома распахнулась – на пороге стоял Астафьев – парень лет тридцати, упитанный и добродушный. Сонно моргал глазами.

– Здравсь...

– Олег, здравствуйте... Извините, что разбудил. Я... у меня телефона нет, а надо позвонить, срочно.

Астафьев потер глаза. Потом изрек:

– Вы проходите... Сейчас телефон дам.

Глеб шел за ним по двору к дому и удивленно думал: «А он неплохой мужик... Нормальный! Не спрашивает ни о чем, за телефоном вон отправился... Хороший сосед. И чего Нина на них злится?»

– Вот, пожалуйста, звоните. Телефон здесь оставьте, на скамейке, ладно? И ворота захлопните, там английский замок. А я досыпать пошел...

Сосед скрылся в доме, а Глеб остался в чужом саду один, с мобильным.

Набрал номер Нины, внутренне содрогаясь – а ну как не ответит?!

– Алло? – Сонный, недовольный голос жены. – Алло! Кто это?

«Жива! Здорова! С ней все в порядке!» – возликовал Глеб.

– Нина, Ниночка... Это я!

– Глеб? А почему номер какой-то незнакомый определился? – удивленно спросила жена.

Глеб хотел ответить, что это мобильник соседей по даче, но потом спохватился – ни к чему Нине знать, что он ходил к Астафьевым.

– Ниночка, я свой потерял, вот, пришлось по чужому телефону... Как ты?

– Голова болит. И сердце. Но это ерунда, я привыкла. Не сильно болит... Совсем немного!

– Ты хорошо спала? – осторожно спросил Глеб.

– Ужасно. Эти Астафьевы всю ночь шумели...

– А теперь? – растерянно спросил Глеб.

– Теперь они заснули, утихомирились. Таблетку только что выпила – тут ты звонишь...

У Глеба возникло чувство, что он находится в каком-то ином измерении. Кто он, где он на самом деле, где Нина?.. Кажется, она говорит о том, что на даче... А как она может быть на даче, когда ее там нет? Это он, Глеб, на даче!

Кто из них бредит – он или Нина?.. Или она шутит?..

– Глеб, ты пил? – строго спросила Нина.

– Нет. То есть да...

– То-то я смотрю, чудной ты какой-то! – недовольно произнесла она. – Этот Бергер... Всю ночь с ним пили?

– Да.

– Ложись. Мне не звони, не приезжай. Завтра созвонимся. Все, пока...

– Нина! Нина, стой!

– Что еще?

– Нина, как у вас погода?

– У нас? У нас солнышко. А в Москве как?

– Тоже... солнышко.

– И слава богу. Ну все, пока. Целую, – почти ласково ответила Нина, и в трубке зазвучали короткие гудки. Глеб нажал на кнопку отбоя, положил телефон на скамейку и направился восвояси. Потрясенный и растерянный.

На всякий случай Глеб еще раз обошел дом. Никого. Пу-

сто, тихо... Он один бродит по даче. А где тогда Нина?

«Может, у меня белая горячка?» Глеб пощупал лоб, по-
дошел к зеркалу. Оно отразило чье-то помятое, незнакомое
лицо. Он высунул язык. Язык был желтый, обложной.

Он, Глеб Мазуров, конечно, выглядел скверно, этого от-
рицать нельзя. Но он пока еще был в своем уме.

Нина думала, что Глеб сейчас в Москве. И сказала – у нас
сейчас солнышко... У нас – в смысле на даче. Но ее тут не
было!

– Нина соврала... Зачем?

Любой нормальный муж сразу бы заподозрил свою жену
в неверности. Но не Глеб. Представить, чтобы Нина гуляла
где-то по ночам, – невозможно. Нина была спокойной, рас-
судительной женщиной, вообще несклонной к авантюрам. В
ее жизни было всего двое мужчин: первая любовь – какой-то
там школьный друг, тыщу лет назад, и он, Глеб.

«Где же она сейчас находится?» – задумался Глеб.

На даче жены не было. Дома, в Москве, – тоже.

«Светка Злобина! Она у Светки, точно!» – озарило Глеба.
Когда он наконец догадался, где может скрываться Нина, то
возник новый вопрос – зачем жене понадобилось врать ему
сейчас, что она на даче, а не у Светки?

Глеб, конечно, не любил Светку Злобину. Терпел эту осо-
бу с трудом, да, это точно, но никогда, никогда не препят-
ствовал общению Нины со Светкой. Пусть Нина ходит к
Светке в гости, пусть Светка огородным пугалом торчит у

них, Мазуровых, на кухне и почем зря честит Глеба, мужчин, женщин, детей – всех людей скопом, политику, моду, телевидение...

Глеб никогда не покушался на личное пространство своей жены, он уважал его. Поэтому Нина в любой момент могла спокойно признаться – да, милый, я у Светы сейчас в гостях – и Глеб ей бы слова поперек не сказал...

Но она не призналась. И тем не менее Нина могла находиться только у Светы. Точно-точно... А у кого еще, других близких подруг у жены не имелось. Родни, кстати, у Нины тоже не было, кроме тетки, живущей под Ростовом Великим... (Скрывать визит к родной тетке, заменившей Нине мать, – вообще абсурд!)

Но зачем эта таинственность?! Нина – больная женщина, она постоянно на лекарствах, она в любой момент могла... умереть. Нина не имеет права прятаться от мужа... Мало ли что случится!

Когда Глеб вспомнил о болезнях жены, то волей-неволей в голову ему пришла одна мысль, неприятная, страшная.

А что, если врачи поставили Нине новый диагноз? Сказали ей – а вам, милочка, недолго осталось, крепитесь. И Нина решила окончательно подтвердить этот диагноз – например, у других врачей. А для этого ей пришлось остановиться у Светки, дабы он, Глеб, ни о чем пока не догадывался... Они, двадцать лет прожившие бок о бок, кожей срослись, читали друг у друга по лицам! Нина решила не тревожить мужа

раньше времени.

Если вспомнить, Нина не очень-то любила распространяться о своих болячках. Да, она часто ходила по врачам, пила много лекарств, нередко ощущала приступы дурноты, слабости, ее время от времени мучили боли – но Нина старалась не заострять на этом внимание.

Есть больные, которые с утра до вечера соловьем разливаются – рассказывают о своих болячках, о докторах, у которых лечатся... Нина – не такая. Она мужественно держалась, терпела боль и недомогания, своими проблемами Глеба старалась не грузить. Говорила сдержанно – голова болит. Сердце. Живот. Но никогда не расписывала свои недомогания в подробностях. Иногда просила о каких-то мелочах – подвезти до поликлиники, увезти, достать в такой-то аптеке такое-то лекарство... Несколько раз Глеб ездил в Подмоскowie за барсучьим жиром. Но и только.

А когда Глеб пытался поговорить с ней на эту тему («Может, за границу поедem лечиться? Может, сменим поликлинику? Может, в следующий раз я с тобой к доктору пойду? Может, открыли новый способ лечения, новое лекарство – давай, я поспрашиваю, давай узнаю?..») в страстной надежде, что жена вылечится, выздоровеет и даже родит, Нина только отшучивалась.

И просила не вникать в ее дела – поскольку ей, например, неприятно было распространяться о гинекологических тонкостях, даже перед собственным мужем. «Милый, я все

знаю, все понимаю о своих недугах не хуже дипломированного медика, на месте не стою, сама в вечном поиске... Ну что, я тебе сейчас о лапароскопии должна рассказать? Брось... Такие рассказы мужчинам счастья не прибавляют!»

Слово «лапароскопия» действовало на Глеба угнетающе. Вообще каждый раз, когда при нем произносили медицинские термины, ему становилось тошно. Он-то сам никогда ничем не болел, даже простужался редко, с врачами контактировал только во время профилактических медосмотров. Ни аллергии, ни хронического насморка... Рук-ног (тьфу-тьфу-тьфу!) ни разу не ломал. Головой ни обо что не бился сильно. Грибами и испорченными консервами не травился.

Итак, Глеб, в отличие от Нины, был абсолютно здоров, и единственное, на что он мог пожаловаться, – это на похмельный синдром, который иногда у него случался, если накануне приходилось перебрать лишнего... Поэтому он, как среднестатистический здоровый мужчина, в медицине не разбирался вообще. Обо всяких врачебных делах он знал только из лаконичных рассказов жены.

«Голова болит. И сердце!» – вырвалось сегодня у Нины в телефонном разговоре.

Это была ее привычная жалоба. Если бы Глеб захотел подробностей (как болит, где, лечится ли это?), то Нина, как всегда, отшутилась бы, перевела разговор на другую тему. Такое уже было, и не раз...

«Почему Нина все время пытается оградить меня от пло-

хого, не дает помочь ей? Чего она боится? Я ведь способен поддержать ее, пройти вместе с ней этот тяжелый путь... Наверное, она видит, как я отношусь к докторам и медицине, но это же не значит, что я не способен быть рядом с ней во время лечения!»

Желание Нины оградить Глеба от того, чтобы он вник в ее медицинские проблемы, – похвально и трогательно. Редкие из жен ведут себя столь самоотверженно и мудро. «Но, блин, не доводить же все до абсурда! – вдруг взбесился Глеб. – Эта ее скрытность... Неужели Нинка меня совсем за слабака считает?! Все, пора с этим кончать... И я тоже хорош... Надо было раньше со всем этим разобраться! Сейчас поеду к Светке, найду там Нину и скажу ей: «Нина, ничего от меня не скрывай. Говори, как есть. Теперь ты по врачам будешь только со мной ходить!»

Глеб сел в машину и направился снова в город.

По дороге ему в голову пришла очередная мысль: возможно, ситуация со здоровьем у Нины не так страшна. Просто она, наверное, отважилась на какую-нибудь зверскую операцию – ради того, чтобы у них с Глебом наконец родился ребенок. И чтобы не расстраивать мужа кровавыми подробностями, решила этот факт скрыть.

«Дурочка! Идет на пытки, лишь бы угодить мне... Ох, какая дурочка... К черту детей. Так ей и скажу. Проживем без них. Сироту из детского дома возьмем, если ей так приспичило...» От раздражения и нежности к жене Глеба букваль-

но трясло, ему не терпелось увидеть Нину. Он уже не помнил ни о чем другом.

...Света Злобина жила в большом многоквартирном доме, в одном из новых районов Москвы – как раз по пути.

Глеб слегка заплутал среди одинаковых кварталов (он с Ниной был в гостях у Светы всего пару раз), но потом увидел небольшую церковку, выкрашенную в ярко-малиновый цвет, – она являлась ориентиром... Значит, здесь.

Также по памяти Глеб нашел подъезд, поднялся на последний этаж. Слева... да, вот эта дверь слева – Светкина.

Глеб нажал на звонок, прислушиваясь к звукам изнутри. Тишина, потом шарканье.

– Кто там? – спросил дребезжащий старческий голос. И это несмотря на то что в двери был просверлен «глазок»... «А, ну да, у Светки же мать есть, совсем древняя старушка...»

– Здравствуйте! – громко произнес Глеб. – Я к вашей дочери, Свете... Меня зовут Глеб.

Тишина. Старушка за дверью словно уснула. Потом загремели замки, и дверь медленно отворилась. На пороге стояла маленькая сухонькая старушка, с нимбом пушистых седых волос, топорщащихся вокруг головы.

– Здравствуйте, э-э... – имени старушки Глеб решительно не помнил. Марь Петровна? Анна Федоровна? – Скажите, а Света дома?

– Вы к Свете? – пожевав губами, дребезжащим голосом

произнесла старушка.

– Да, да... Я муж Нины, вы ведь Нину должны знать...
Нина тоже у вас?

– Мама, кто там? – из глубин квартиры донесся голос Светки.

Старушка пожевала губами, не в силах ничего ответить. Всякое мыслительное усилие, вероятно, давалось ей с трудом.

Глеб, уже достаточно взвинченный для того, чтобы соблюдать хорошие манеры, нетерпеливо переставил старушку на другое место и прошел в квартиру. Быстро постучал, распахнул дверь, ведущую в комнату Светки...

Света Злобина, в махровом розовом халате, перетянутом поперек туловища поясом, в розовых тапочках с помпонами, поливала из лейки кактусы. Света напоминала сейчас какой-то мультяшный персонаж – розовая, круглая, перетянутая, с мочалкой из тонких светлых волос на голове, в круглых очках а-ля Гарри Поттер... и с этой смешной лейкой в руках, стилизованной под слоненка с хоботом.

У Светы было очень много кактусов, горшки с ними занимали все свободное пространство комнаты... Колючие чудовища стояли на подоконнике, на полках шкафов, теснились на специальных подставках...

Нины в комнате не было.

– Где она? – Глеб в один прыжок подскочил к Свете, схватил ее за плечи. – Говори, где она?!

Светка отреагировала как-то странно – она ни капли не удивилась появлению Глеба... безусловно, была ошарашена, но – никак не удивлена.

– Скотина, что ты делаешь! – Она попыталась ткнуть его лейкой. – Я тебе ничего не скажу!

«Я тебе ничего не скажу!» – вот так сразу, не раздумывая.

В эти мгновения Глеб совершенно отчетливо понял: Светка Злобина в курсе всех дел Нины. Светка покрывает Нину и настроена на глухую оборону. А Нина, возможно, в этот момент в какой-нибудь больнице терпит муки смертные... одна. Самоотверженная, бесстрашная, глупая его жена.

Необходимо срочно вытрясти из Светки правду.

– Нет, ты у меня все скажешь! – взревел Глеб и еще раз потряхнул Свету. Халатик на ней распахнулся. Под халатиком прятался абсолютно круглый, сливочно-белый живот Светы. Над животом – два сливочно-белых полушария размером поменьше, упакованные в ярко-красное кружево. Ниже живота были такие же ярко-красные кружевные панталоны.

На какое-то время Глеб оцепенел. Его сразил этот пунцовый, агрессивный беспредел. Старая дева Светка, оказывается, носила такое белье?..

– Хам! – Света отскочила назад, запахла халат и завязала пояс в сложный морской узел.

– Света, я все знаю! – мрачно произнес Глеб.

– Скотина... Что ты можешь знать? – с ненавистью произнесла Света, продолжая затягивать узел на халате – так силь-

но, так туго, что даже косточки на пальцах побелели.

– Все. Я должен срочно увидеть Нину.

– Ха! Опомнися! Увидеть... Тебе, значит, можно, а ей нельзя! – заорала Света.

– Что ей нельзя? – быстро спросил Глеб.

– Кобелина проклятый! Все вы, мужики, такие... Сволочи! Ненавижу!

Глеб вздрогнул. Разговор принимал странный оборот.

– Что ей нельзя, а мне можно? – мрачно произнес Глеб. – Ты хочешь сказать, что у Нины кто-то есть? Да?!

На лице у Светы отразилось смятение, она сделала шаг назад, уперлась спиной в сложную композицию из кактусов, расставленную на фигурном постаменте.

– Ой... Ты спятил. Дебил. Вы все дебилы... Ха-ха... Только одно на уме! – шепотом ответила Света. – Нина – святая женщина! А ты гадости всякие думаешь...

Света Злобина еще никогда не позволяла себе подобных открытых оскорблений в адрес Глеба. Брюзжала – да, кляла весь мужской род – да, но оскорблять в лицо все-таки не решалась.

Глеб схватил Свету за волосы, подтащил ее к себе:

– Что ты себе позволяешь? А?.. Совсем обнаглела. Что ты себе позволяешь? – Он тряхнул ее.

– Пусти! – Лицо Светы исказилось от боли и ненависти. – Как ты смеешь... с женщиной...

– Ты – женщина? Ты?! Ты ведьма – вот кто ты! – засмеялся

Глеб. Кажется, он совсем перестал владеть собой. – Быстро говори, где Нина!

– Я тебе ничего не скажу... Можешь попытать меня – все равно ничего не добьешься, – свистящим шепотом, сквозь град слез, произнесла Света.

Глеб отпустил ее, оттолкнул.

– Ты ходила в наш дом двадцать лет. Ты совала нос в наши дела. Ты достала меня. Все, больше ты к нам за порог не перешагнешь. Ни видеть тебя, ни слышать тебя не желаю больше.

– У Нины никого нет. Как ты мог предположить такое... – вытирая слезы, пробормотала Света.

– Тогда где она?

– Не скажу.

– Свет, я тебя как человека прошу, в последний раз...

– Не скажу! Сам спроси...

Глеб улыбнулся:

– Разве она скажет... Почему ты кобелиной меня назвала? Я, Света, ни разу жене не изменил... поди поищи других таких мужей!

– Ты врешь! Ты все врешь! Мужчины все изменяют... они не могут не изменять, – с ненавистью сказала Света. – Так не бывает. Я сама помню – как ты тогда, с этой крысой ободранной... Катькой, что ли... чуть Нинку не убил!

– Это был один-единственный раз. И дальше поцелуев дело не пошло. И вообще... Это когда было-то, а?... сколько лет

назад? Почти двадцать лет!

– Ты все врешь...

– Света... Свет. Вот послушай... я люблю Нину. Я никогда не изменял ей. Я всегда слушался ее... О чем она просила, все делал. Я терпел тебя. И не потому, что я тряпка... Просто я люблю ее больше жизни и хочу, чтобы она была счастлива. Я умереть за нее готов. Ты понимаешь? И ты должна мне сказать, где она сейчас, что она от меня скрывает...

– Но разве ты никогда не думал о других женщинах? Не смотрел на них? – едва слышно спросила Света, поправляя на носу очки.

– Думал. Смотрел! Ты меня и за мысли будешь казнить? – усмехнулся Глеб.

– Нет. Да... Ты все врешь! Ты гулял направо и налево...

– Ну и дура, – со злостью произнес Глеб и вышел из комнаты, едва не сшибив старушку.

Мать Светы, божий одуванчик, подслушивала под дверью.

...Глеб сел в машину, задумался. После визита к Свете Злобиной ему окончательно стало ясно, что у его жены, Нины, есть какая-то тайна.

Причем о том, что она, эта тайна, есть, Глеб узнал совершенно случайно.

«Что делать? Позвонить Нине и напрямую поговорить с ней? Ха... А она скажет? О, женщины, вечно хранят ка-

кие-то секреты...»

Он посмотрел на часы. Начало второго.

«А что, если... Ну да, вот с кем следует поговорить!»

Глеб надавил на педаль газа.

* * *

– Светочка, это кто был? – спросила мать, стоя в дверях.

– Никто, – буркнула Света. Она держала в руках сотовый. Уже нашла в строке «поиск» имя Нины, осталось только нажать на кнопку «вызов».

– Как никто... мужчина такой, интересный... – вздохнула мать, сухонькими лапками держась за косяк (у нее в последнее время кружилась голова – давление). – Когда он сказал, что к тебе, Светочка, я не смогла его не пустить. Я была не права? Это приличный мужчина?

– Более чем. – Света смотрела на экран сотового и ничего не видела. – Это муж Нинки.

– Ниночкин муж? А чего он к тебе приходил? – не отставала мать. Света молчала. – А у них с Ниночкой хорошие отношения?

– Более чем, – опять буркнула Света.

– Ниночке повезло. О-очень импозантный мужчина. Вот раньше актер один был, он все белых офицеров в фильмах играл... похож. Только я фамилию этого актера забыла. Но такой ви-идный мужчина, благородный весь, и такой весь...

как князь.

– Мам, ты иди, ложись, – устало произнесла Света.

– Да чего ты меня все время укладываешь! – возмутилась мать. – Что я тебе, младенец какой... ты мне вот что скажи. Можно этого князя у Ниночки отбить? А?..

– Мам, у тебя уже, кажется, старческий маразм начался.

– У меня нет маразма, я еще, слава богу, соображаю! – возмутилась мать. – А ты отбей.

– Мам! – Свету вдруг затрясло. Она отбросила телефон. «Не буду ей звонить! Не буду! Сколько можно... Пусть сами разбираются!»

* * *

Глеб вел машину, сосредоточенно глядя на дорогу. Но перед глазами упорно маячили красные кружевные панталоны Светы Злобиной. Не то чтобы это зрелище сразило его как мужчину, упаси бог... Глеба поразил сам факт того, что Светка – старая дева – оказывается, носила под безразмерными балахонами пятьдесят шестого размера столь разнужданный беспредел. (О личной жизни Светы, вернее о полном отсутствии оной, Глеб знал от Нины.)

Глеб против воли улыбнулся. Он вдруг вспомнил, как в далеком детстве жил у двоюродной бабки Симы в деревне.

Баба Сима ни разу не была замужем и отличалась исключительным, патологическим целомудрием. Всегда выключа-

ла телевизор, когда на экране кто-то целовался. Так вот, баба Сима, при всей своей скромности, обожала панталоны веселенькой расцветки с игривым рисунком – то розочки, то ландыши, то яхты, то пальмы, то какие-то залихватские птицы-тройки...

Иногда маленький Глеб забредал на задний двор, где сушились на веревке эти чудеса текстильной промышленности, и с изумлением взирал на них.

Наверное, именно так, странно, опосредованно – через рисунок на панталонах, через кружева – пробивается сквозь броню целомудрия женская натура, романтическая и страстная...

Оказывается, женщина в Светлане Злобиной еще не умерла окончательно. Судя по красным кружевам...

«А что я вообще знаю о женщинах? Да ничего!» – мелькнуло в голове у Глеба. Так получилось, что юность его, бурная и веселая, была очень короткой. Влюблялся, смеялся, гулял – недолго. Через полгода после окончания школы ушел в армию, а как вернулся – стал мужем Нины. И – всё.

В институте еще как-то общался с девицами-однокурсницами, флиртовал, но после истории с Катенькой даже флирт отменился. Потом Глеб работал переводчиком и полностью отгородился от мира... На работу ходить не надо, встречаться с людьми не надо. Сиди себе в кабинете за компьютером и пиши... Он стал одним из лучших переводчиков. По сути, все эти годы он только и делал, что работал. Потому Глеб не

знал мира женщин.

«У них у всех есть тайны – у Нины, у Светки, у этой... Женьки Золотой Ручки!»

Хотя почему он считает Евгению аферисткой? Да, она обманом лишила его денег и телефона, но, судя по всему, это не было ее основным ремеслом.

Стоило вспомнить, как она фотографировала – там, на катере, когда плыли вдоль Садовской набережной... Ее одежда, манеры, взгляд... Как она нетерпеливо повязала на голове косынку, убирая мешавшие ей волосы. Она, Евгения, и вправду профессиональный фотограф.

И с Глебом знакомиться она не собиралась.

А подошла потом к нему в кафе потому, что у нее явно что-то случилось – после того, как она сошла с катера. Евгения вытянула у Глеба деньги, телефон... потому что ей надо было. Для чего-то важного, нужного. Там, в кафе, Евгения находилась на взводе, она была готова на все, она не думала о средствах... а только о цели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.